

Ольга Лебедь

Звёздные Духи

Мёртвый

16+

Ольга Лебедь

Звездные духи. Черный

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Лебедь О.

Звездные духи. Черный / О. Лебедь — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Скрытый от чужих глаз, среди неизвестных гор находится Универсальный Магический Университет. Фантастическое место, где никогда не ощущаешь себя в безопасности. Именно здесь собраны маги, от которых дрожит сама земля. Среди них, стараясь ничем не выдать своего нечеловеческого происхождения, прячется Джина. Несколько месяцев ей удастся оставаться незаметной. Но только есть в Уме тьма, от которой ничего не скроется. Вторая книга серии "Звездные духи".

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Умники	6
Глава 1. Крома Гранд	6
Глава 2. Рабас	9
Глава 3. Шоколадный	14
Глава 4. Фениксы	19
Глава 5. Калаин Варакол	26
Глава 6. Закар Джаш	30
Глава 7. Огненный	36
Глава 8. Арпику	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ольга Лебедь

Звездные духи. Черный

Пролог

Не прекращаясь несколько дней, шел снегопад. Теплым покровом он укутывал Балугу, словно желал, чтобы город не просыпался. Улицы, белые от январской хвори, разгребали уже с трудом. То и дело из разных уголков города доносились стуки лопат, ворчливые голоса и смешные детские – единственные светлые лучики, которые не видели в серой мгле, застывшей небосвод, никаких опасных предзнаменований.

Несколько дней без солнца превратили людное место в один большой сугроб – и лучше избегать дальнейших ассоциаций, иначе непременно перед глазами вставали гномьи ходы (а некоторые пути, как от рынка до ратуши, очень на них походили), а потом недалеко и до могил – своих или древних божьих, которым современные почеты всегда найдут применение.

Помянув отнюдь не добрым словом мягко проскочившую под ногами кошку, знахарка поспешила к единственному деревянному дому, аляписто застывшему посреди других обычных. Его ядовитые бока тоже не пожалел снег. Вывеску с котлом запорошило настолько, что казалось, варево выкипело и скоро белой отравой польется под ноги всякому входящему в дом ведьмы.

Владимира вытерла о коврик ноги, пригляделась к сугробу под окном и вытащила оттуда сверток, облепленный печатными буквами. «Косые», – девушка отряхнула газету и освободила от снежной пыли капюшон. Дом встретил ее наваристым запахом хвои и сумасшедшей Зоей, которая юркнула, как стрела, за угол, очевидно, что-то натворив. Повесив меховой плащ у входа, ведьма прошла на кухню, проглядывая первую полосу.

– Снегопад, снегопад... – определенно, ей что-то не давало покоя. Развороты быстро зашуршали под пальцами. – Вода, – произнесла она и задумалась. Зоя осторожно выглянула и заблестела глазами из дальнего конца комнаты. Вдруг ведьма закивала: – Конечно, вода. – Она подошла к окну – брошенная газета открылась на финансовом разделе, – сощурилась на непроглядную пелену вверху, которая и не думала спадать, судя по прогнозу погоды на ближайшую неделю. – Самое время.

С этими словами девушка вернулась к разделочному столу, отыскала глубокую миску («Кто мне дал осиновую тарелку? У-у, я верну должок злюке. Так, береза...»), и отчего-то передумав открывать кран, направилась к выходу. Зоя не сводила со знахарки глаз.

– Вода, Зоя, – говорила Владимира, накидывая плащ. – Сейчас она защищает. И всегда видит, – шепотом закончила девушка, открывая дверь в царство белой мглы.

Спустя минуту дом снова наполнился звуками ведьминых каблучков, снимаемого плаща, снега, сыплющегося с ярко-рыжих волос. Но на этот раз березовая миска, временно поставленная на полу у входа, была с горкой наполнена хрустящей мягкой водой, замороженной – опять же, временно – в пушистые кристаллы. Ведьма поменяла сапоги на домашние тапочки и потянулась за уловом.

Зоя, застывшая в позе побега, звонко мякнула.

Девушка повернула голову.

Зверь бросился наутек.

А Влада закричала.

Часть 1. Умники

Глава 1. Крома Гранд

– Ты слишком напряжен.

От этих слов я не стал менее сосредоточенным, но на Френсиса оглянулся. Он протягивал стакан. Что там – чай, эль?

– Осталось последнее лицо, – я кивнул на рот, который захлопывался с убийственно медленной скоростью.

Теперь территорию Храма покрывала только прозрачная пленка, и мы ждали момента, когда она порвется.

– Медики давно готовы, Шоко, но я говорю о твоём ухе. Не растрачивайся.

– Вот потечет у меня кровь, тогда и обращусь, – криво улыбнулся я, но слух отключил.

Передохнуть действительно надо, у Френсиса на это чуйка, иначе бы он начинающих на ноги не ставил. А из леса и так ничего не слышно уже долгое время. Даже птиц.

Я хлебнул чая – оказался с молоком, – а парень в это время усмехнулся:

– У дэ Лингинден вместо глаз должны быть медвежьи круги.

– Не тема для веселья, прости, – сказал я. Как бы ни пытался он приободрить, это не работало. Френсис улыбнулся:

– Знаю, но дело уже сделано, и меньше бы ты переживал. – Я пожал плечами. – Она скоро должна вернуться. Рабас уже пришел в себя.

– А он уходил? – Я поднял бровь.

– И в прошлом году, – кивнул Френсис. – Только не помнит, как и тогда, ничего. Так что ты его не мучай расспросами... Но у тебя такой вид, что я уже жалею, что сказал.

– Я просто удивлен.

Парень взял у меня пустой стакан и пошел обратно на пост. Минуту я обдумывал его слова.

А потом прозвучал хлопок. Ум открылся.

Он смотрел на меня. Тяжело – и цепко. Не отрываясь. Чуть ранее он резко появился впереди, я не успела его заметить. Крик застыл мыслью, так и не родившись в гортани. Время? – он уже тут, напротив, через разинутую пасть я вижу несколько кругов, по которым крутятся остатки веток, с разной скоростью. Что-то даже попало на лицо, резанув кожу... Ноги еле держали, а спиной я чувствовала жесткую кору, заледеневшую на лесном морозе. Только ничего из этого не было важно.

Он оказался гораздо толще, чем виделось издали. Величиной с большое дерево, с широким обхватом плеч – плеч?.. Синий. Сейчас он был такого цвета. Щепки и камешки, мельчаемые в пыль, вращались внутри его полости: быстро, быстро, быстро... Быстрые когти, длинные, длиннее, чем зубы – на руках-струях, таких тоненьких – для вихря – руках...

Не верилось, что еще несколько секунд назад, я думала, что мне настал конец.

А сейчас я едва сдерживала слезы.

Он тоже хотел закричать, – я знаю, он был готов, собирался – но остановился. Уставился на меня. Втянул в себя воздух – у него все-таки есть нос? Две дырки или... я видела, как в разинутых воронках завращался ветер, синий. Он вбирал воздух, и мои волосы, одежда, чуть

ли не кожа тянулись к нему. Показалось, что он может втянуть меня всю одним носом. Потом мои волосы повисли.

А он – сел. Смерч сел напротив и глянул в глубину моих глаз.

Я зажала себе рот. Но рыдания все равно хлынули. И обе моих ладони – лишь жалкая попытка их остановить.

В несуществующих зрачках плескалась боль. Боль и непонимание. Обида на людей, которые не слышали, самое несправедливое, что они не хотели этого делать. В зрачках горел пожар, языкастый, белый, вопящий. Смерч так хотел до людей докричаться, но они на него не обращали внимания, будто его и на свете нет. Единственным, кого приманило его отчаянным криком, оказалась я. От осознания этого меня разрывало на счастливые частицы. И слезы неумолимо текли из глаз.

Потому что духа услышал дух.

Он выгнул спину и глядел теперь так, что его глаза оказались на уровне моих. Он посчитал меня *равной*. Боль сменилась на участие и любопытство. А я не смела ничего сделать. Оторвать руку от губ даже не могла. Хотя самым моим сильным желанием было отблагодарить это земное создание за то, что напомнило мне, кто я есть на самом деле. И кем не перестану быть, даже если впереди маячит близкий конец.

Я все еще дух.

...Значит, на земле они тоже есть? Нам об этом не говорили. Но теперь я понимала, кого встречала по пути в этой укутанной зимой чаще – память возвращалась, будто с нее снимали плену. Или он снимал? Этот главный лесной дух.

Это же твое ненастоящее обличье?

Он мотнул головой, когда я подумала об этом, и поднялся. Движения его вновь стали грузными. Но ярость уже ушла. Я смотрела, как под вихревым телом смерча гнутся стволы и трещат – центробежная сила не шутки. Зато другие лишь слегка отводило в сторону, а иные он пропускал через себя, и им ничего не делалось. Они же ненастоящие деревья. Это лес был полон духов, и один сейчас спешно покидал меня, уходя от возможного разговора.

Впрочем, у нас у всех есть вещи, о которых бы мы не хотели говорить с первым встречным, даже если нас с ним что-то объединяло. Но в этот момент мне стало жутко: дух, похоже, постыдился, что его ярость приняла такие разрушительные формы. Но что было бы, окажись на моем месте действительно человек?

Храм наплыл на меня резко, наверное, от всего пережитого. Или кто-то очень хотел меня из леса вытолкнуть. Мои глаза привыкли к скальному туману, и я смогла различить огромные лица – они снова были с открытыми глазами. Я вздохнула тяжело: это же смешно и одновременно обидно – они защищали нас от духа...

Резкий шум заставил мое сердце упасть.

– Нашел! – крикнул парень и схватил меня за руку. Мне показалось, что он мне ее оторвет.

– Ты как? Уносим ноги отсюда!

Оторвет, точно. У него так пальцы сжимались, что сомнений не возникало, кто из нас боится больше. Я оглянулась в последний раз на лес – но и подумать ничего не успела, меня бросило в чьи-то руки.

Сколько тут людей!

И желудку сразу стало тошно – трансгрессор, еще хуже порталов Ума. Но мне уже плохо, а значит, изображать ничего не надо.

Вот только глаза сощурить. Я же потеряла очки.

Спустя минуту последний осматривающий меня медик поднял палец вверх. Я сглотнула: ко мне направлялась дэа Лингинден.

– Заместитель, – мужчина поднялся. – Есть легкие ушибы, но в остальном все чисто. Сердцебиение чуть ускорено, это из-за стресса. Обморожения нет, температура тела в норме.

– Хм-м, – от этого замечания мне, вопреки показаниям медика, стало холодно. Лингинден вперилась в меня взглядом. Нежалящим. – Вы что-то встретили в лесу?

Я зачем-то переглянулась с окружающими меня людьми. Один из них, высокий молодой человек, ободряюще мне улыбнулся. Я посмотрела на лес. Что же делать?..

– Я не помню, – надеюсь, выражение моего лица заранее подтвердило эти слова. Я увидела, как молодой человек взглянул на Лингинден и кивнул ей, будто я высказала то, что он предполагал.

– Совсем ничего? – уточнила заместитель.

Я помотала головой. Лингинден еще недолго смотрела своим непонятным взглядом.

– Дайте ей успокоительное, – она развернулась к Уму.

Медик, не медля, протянул мне склянку с таблеткой. А в небольшой рассасывающейся толпе я заметила Лиринетту. Но мне, конечно, показалось.

Медленно брови экзаменатора поднимались на лоб. Забавно. Смотрит еще раз в вопросы и недоверчиво на студентку глядит. Я усмехнулся.

– Эй, Инланур, чего застыл?

Жинко все с протянутой рукой стоит. Я сунул ему, наконец, папку с заданиями.

– А, девчонка та? – Парень воодушевился, за моим взглядом проследив.

– Чистая которая пришла. – Помнят тот эпизод еще, когда лица закрыли от опасности Храм, а студентка ее избежать смогла. И при том, что не владеет ничем. Выходит, все в последнем ошибались. Вот и сейчас чем-то Умбрада поразила.

– Ага. Она даже не замерзла! – Жинко кивнул. – Хотел бы я, чтобы по морозу такому можно было без куртки ходить!

– Дольче Аскольки! Дольче Финидрен! Выключите свои граммофоны и отнесите уже тесты дэа Ирмаху, он вас заждался.

Я вынужден был признать свою неправоту перед Умбрадам. Жинко наклонился, извиняясь, и мы из аудитории поспешили уйти. Напоследок я приметил, с каким непроницаемым лицом расписывается преподаватель в ведомости.

Студентка остается.

Глава 2. Рабас

У фонтанов была непривычная тишина. Отвыкаешь от нее во время учебных будней. А сейчас три недели каникул. Три недели отдыха от всего – об ином я и мечтать не мог. Никаких глаз, никаких ушей, разговоров нет, так как нет их участников. Странно вели себя светлячки – зачем-то выбрались наружу в такой холод, их сносило ветром, поэтому казалось, что над фонтанами клубится настоящий снег.

Весной они поменяют окраску на розовый, будут лосниться алым каждый раз, когда солнце вот-вот начнет исчезать за горизонтом. А пока это странная метель – упорные светлячки. Даже смешно.

В Уме мало кто оставался на каникулы. Это мне некуда деться, хватит уже укрываться в семье... Пустая арена – сходил бы туда, пока никого нет, но драконы чувствуют мою проблему. Лучше их не нервировать. С ними не любой справиться может, пусть Шоколадный и убежден в обратном.

– Долго сидишь?

Я поднял глаза. Женни сделала шаг ближе и поправила волосы. Зачем только? Ветер и так по всему скверу хлещет, что толку от прихорашиваний.

– И сидел бы дольше. Признайся, ты решила меня здесь заморозить.

– Никто не просил тебя садиться на камень. Скамейки же есть, – запротестовала Женни, но кожа щек покраснела.

Я встал, отряхивая брюки. Сама напросилась со мной, сама же и опаздывает. Вот не поверю, что свои выходные она хочет проводить в библиотеке. Какой нормальный студент захочет? Я – другое дело, меня можно считать ненормальным.

Пока мы шли по транзитной дороге, огороженной желтым, заснеженные башни, разбросанные в беспорядке храмового комплекса, поворачивались вслед за нами, словно следили. Я пожегся и смог расслабиться только тогда, когда мы вновь зашли внутрь Ума, завернув за угол.

– Уже свикся со своей ролью? – слишком весело начала Женни.

Я повернул к ней голову, но она тут же стала заинтересованно рассматривать канделябры на стенах. Опоздала и даже в глаза мне теперь не взглянет?

– Почему и ты мне напоминаешь, что я присоединился к группе последним? – разочарованно сказал я. Жаль, эта тема все не оставит головы. Даже если это Женни, не хотелось обсуждать.

– Нет, я не это имела в виду! – замахала она руками. – Может... просто...

– Ты на меня не смотришь, а говоришь, что имела в виду другое. Кто вас женщин поймет. Все вы одинаковы... – На последней фразе Женни нахмурилась и наконец-то посмотрела на меня. Только, видимо, я должен провалиться сквозь землю. – У меня в библиотеке есть другие дела, кроме как помогать тебе по травмам.

– Я и сама хорошо в них разбираюсь, – напыжилась она.

Всегда находила слова в защиту своей специализации. Уверен, был бы я на травном отделении, покою бы не давала.

– Мы могли увидеться прямо в библиотеке, зачем было встречу назначать? Сейчас не весна.

– Должна быть весна? – произнесла она отчего-то хрипло, но быстро исправилась: – Ты прекрасно знаешь, что комната для занятий индивидуальна. Войдешь ты, а меня уже в другом измерении поместят. Не перед библиотекарем же разговаривать. Она все слышит...

– А о чем ты хотела поговорить? – Но ответа на вопрос я так и не дождался. Женни поправила волосы. Забрала бы в хвост, раз мешают. Я прищурился. – То есть ты все-таки хочешь заниматься вместе, потому что тебе нужна моя помощь?

– Да нет же! – Женни убрала руку от волос. – Нет, не нужна мне твоя помощь, справлюсь сама! Лучше бы на гитаре играл, в книжках все сидит...

– Я тебя уже перестал понимать, – досадливо втянул я воздух.

Пусть мысли девушки были мне не доступны, она умудрилась верно угадать мои. На крыше в такой мороз не поиграешь, приходилось ждать марта – хотя бы его. А в тайнике парни находились практически постоянно. Я был не против их компании, проводили часто репетиции, но вот самостоятельные тренировки мне не давались. Не мог настроиться на волну. Мне нужна была тишина. И горы. И звезды над головой.

– Уй! – вдруг воскликнула Женни и схватила меня за рукав.

Я опустил глаза вниз. Неожиданно. Желтые линии на полу завибрировали, и вверх полыхнуло фиолетовой стеной.

– Портал открылся? – удивился я.

А Женни наконец-то отцепилась от моего свитера.

– Я испугалась, – задыхалась девушка.

– Ты боишься портала? – оглянулся назад вслед за выросшим цветастым проходом, но в пределах зрения никого не заметил.

– Нет, но в такое время? Хотя... студенты же разъехались, – Женни стала спокойнее и тоже посмотрела в сторону, откуда мы шли.

Подумав, я пожал плечами. В Храме никого не удивишь межпространственно-временными переходами. Но, пожалуй, было странно то, что мы не видели зрителей. Они должны присутствовать при каждой транспортировке. Или мы такие невнимательные.

– Ах, теперь придется обходить, – заныла девушка. Я продолжил путь, но теперь держался левой стороны коридора. Скоро портал изогнется, и мы сможем пройти прямо. Потеряем всего лишь минут пять и один этаж.

Внезапно фиолетовая стена потеряла в краске.

– Ты чего остановился? – встала рядом Женни.

Поверить не могу. Вот это повезло!

– Там провидица! – Не объясняя, я последовал вдоль бледнеющей стены.

Женни и сама должна знать, не первый год здесь! Если мост становится прозрачным, это верный признак, что изнутри его касаются ладонями – только так оттуда можно донести звук. Это было негласное правило для всех магов, включая «выходцев»: они останавливались, прекращали разборки и вместе касались стен портала, давая возможность спеть песню, которая рвется наружу из видящей женщины – песню души.

Среди нас говорили, что в этот момент у провидицы загораются глаза душою того, чьими словами говорят ее уста. Хм, и что отражалось в ее глазах, когда в прошлом году нам спели считалку о шпаргалках? Вот уж тогда была потеха, преподаватели не замедлили ужесточить меры.

Я был прав – уже было слышно нежный женский голос. Вел он неуверенно, но я точно знал, что мы близко. И фигура, сидящая на полу, скоро показалась – я ускорился. Еще пропущу самое интересное...

Странно, никого рядом нет. Она одна. Портал открылся для одного человека? О, значит, девушка точно необычна. Или даже опасна. Она подобрала под себя ноги, ее темная юбка, украшенная кучей символов (у которых наверняка есть предназначение не только магическое, но и чисто девчачье), растеклась по каменной плитке храма, подобно озеру, к которому любят ходить многие наши студенты.

Одной рукой девушка цеплялась за выцветшую стену – именно ее ладонь и сделала мост прозрачным, взгляд был направлен в пол, она что-то шептала, не разобрать...

– Ах, ну ты и бегаешь! – подросла Женни, и я замахал на нее. Девушка внутри портала вздрогнула, только после этого Женни опомнилась: – Ой! Она уже поет?

Провидица медленно подняла глаза. Ого, они действительно горели! Только пламя это было не огненным, но там что-то мелькало. Будто мы видеос шар включили – глаз ведь это тоже шар в некотором роде.

«Я ничего не слышу», – шепнула Женни, а я присел на корточки. Уловив мое движение – видеть она меня точно не могла, девушка была не здесь, – провидица переместила ладонь по стене ко мне. Губами она перебирала слова, но звук был слишком тихий. Она зажмурилась, а потом распахнула глаза – Женни впила мне в плечо пальцы, – и я заметил, что теперь провидица произносит всего одно слово.

Женни убрала руку.

Девушка в портале не отрывала от меня глаз. В них один за другим сменялись образы – разглядеть что-то было трудно. Под ее ладонью стена пустила легкую искру. Недолго думая, я прислонил к ее руке свою. Провидица – будто облегченно – выдохнула и...

– Твое имя? – донеслось сзади от изумленной Женни. Если мы с ней только что оба не ослышались...

Провидица вдруг поменяла позу, закрыв глаза. А когда вновь открыла их, уже пела песню.

До поры до времени мне было неизвестно это слово,
А сейчас душа не хочет видеть в мире ничего иного.
Болит. Кричит. И мочи нет.
Что-то натворила я, но ведать – отчего-то мне не в милость!
Мучиться в догадках – мой удел. Ах, мне бы это все приснилось:
Увы... Прошу. Не исчезай.

И каждый день земной, когда старалась я быть ближе,
Преграду создавал и притворялся, что не слышал.
Но в мире нет сияния, прекраснее души,
Что голубым мерцает ярко ночью без луны.

И если б мир небесный объявил тебя врагом
И дал мне выбор – ты иль верхний верный звездный дом,
Я без раздумий знала бы, чью сторону приму,
И пусть небесный мир сам объявил бы мне войну!

Я тьмы не испугаюсь!.. Я всегда за тобой пойду.
Тогда – не потеряюсь. Веру жизни твою пойму.
И буду охранять.
От бед уберечь.
И веки
Да будет так.

На меня смотрела девушка. Когда в ее глазах погасла чужая душа, я смог разглядеть ее саму. Да, что-то в ней есть. Вот только... это было уже не то.

Провидица отодвинулась – стена тут же стала наливаться пурпуром. Я тоже убрал ладонь. Девушка встала, отряхнула свое темное в разводах платье и подняла руки, поправляя что-то

внутри прически. Теперь объектом ее неотрывных наблюдений стала Женни – судя по тому, что подруга затеребила мое плечо, провидица видела ее насквозь.

– Ты хоть что-то понял? – шепнула Женни, одновременно прячась у меня за спиной.

Я похлопал ее по руке, успокаивая. Девушка по ту сторону портала закончила приводить себя в порядок и, метнув в меня взгляд, вернула Женни – и захохотала. Неприятно вышло. Особенно, если учесть, что звуков из портала уже не доносилось.

– Она станет отличным призраком. Лучше Мопса, – передернула Женни плечами, пока я следил, как девушка, ставшая собой, удаляется от нас легкой походкой. В какой-то момент она остановилась, опрокинула голову и протянула руку к потолку. – Ой, и странная! И на каком языке она пела? Хоть шпàргу с собой постоянно носи.

Да, странность была. Я впервые слышал, как кто-то другой исполняет злынку. Брат и отец не считаются – отец учил нас залыни с детства, но сестры у меня не было, поэтому женское исполнение было в диковинку. Песня вышла красивой. Видеть такую в старой книге и слышать от девушки – совсем другие ощущения. Вот только кому понадобилось общаться с духами? Точнее, кто испытывал настолько сильные чувства, что их не сдержала провидица и спела? На залыни?

Девушка вдалеке опустила руку и обернулась.

– Шпарга не переводит с других языков, тут нужен говорящий шар, – ответил я Женни. Подруга засмеялась, и по этому смеху я догадался, что она не прочь быстрее унести отсюда ноги. Я улыбнулся и подытожил, смотря на провидицу в последний раз: – Я тоже ничего не понял.

Еще в коридоре на подходе к тайнику для репетиций я уцепил недовольные огрызания Дайрека. Потом еще и голос Шоко различил, напротив – очень спокойный. Шоколадный остался на отдых здесь? Тогда, может, арена для меня открыта? Пока тот драконами занимается, мышцы разомну.

Открывая дверь, чуть не встретил чей-то лоб – но этот кто-то вовремя отскочил обратно в зал.

– О, Рабас, хорошо, что ты ее задержал, – Шоко ухватил за руку девушку, которой, видимо, я помешал улизнуть из тайника. – Говорил же, беспристрастнее критика вам не сыскать! Говорю же, – наклонился он к ее уху и произнес уже исключительно ей, пытаясь поймать глаза, – беспристрастнее критика им не сыскать. Ты очень поможешь.

Ох, Шоколадный. Знаем мы, каким ты бываешь иногда «убедительным». Дайрек в это время запустил пятерни в волосы и за секунду устроил на голове птичье гнездо. Джесс похлопал его по плечу:

– Если уж прислала, надо отвечать на письмо, – сказал он раздосадованному солисту.

– Почему еще и письма, Лиринетта, свет души моей? – возвел Дайрек глаза к потолку и зашептал: – Нас же никто не видит? Рабас уже в команде!

– Вот только меня в ваши морковные дела приплетать не надо, – откликнулся я, и Дайрек тут же повеселел:

– Рабас, мы только тебя не смотрели! Крома, зацени нашего гитариста!

Девушка в это время высвободила руку из хватки Шоко.

– Его я слушать не буду, – окинула она меня быстрым взглядом, в котором я уловил что-то уже донельзя знакомое.

– Без него неполный комплект, – сказал Шоколадный.

– С тобой я никуда больше не пойду, – устремила она на него осуждающий взгляд. – Ни со свитками не пойду. Ни статуи помыть. Нет, к арене тоже не пойду, зачем туда носить сырое мясо? – под градом отказов Шоко только поднял руки, хоть обескураженным не выглядел ни на миг. Дайрек от души захохотал.

А я девчонку, наконец, признал... И согласился с ней: зачем ее Шоко вообще привел? Мы сюда посторонних не допускаем.

– То будет в следующий раз, – произнес Шоко, и эта Крома поджала губы. – А пока, ну помоги ребятам выступить на равноденствии достойно!

– Стоп, в каком смысле выступить? – не понял я.

– Вот только Рабас и остался, – продолжил Шоколадный, но какого дварфа!

– Вы дали ей послушать заготовки!

– Рабас, не шуми, у нее отменный слух, – постучал себе по уху Джесс.

А Дайрек завеселился:

– Взяли бы к нам, умеи она петь!

– Послушаешь, очки тебе куплю, – вставил Шоко, отчего девушка на секунду стала испуганной. Шоко поднял брови: – Уже не надо очки?

– После его музыки я отсюда уйду, – не ответила она на вопрос и посмотрела на меня. Чтобы быстрее начинал. А ведь парни не отстанут...

Я смогла выдохнуть, только когда закрыла дверь. Зал позади наполнился громкими головами, а потом его потряс взрыв хохота. Солист, конечно. Я стояла, пытаюсь успокоить колотившееся сердце.

Удивительно то, что я знала, из-за кого оно выбивает такой ритм – не Шоколадный этому причиной, каким-то невообразимым образом убедивший меня пойти с ним в зал для репетиций, хотя столкнулась я с ним лицом к лицу сегодня впервые, и не Дайрек, не Сифо, не Джесс, каждый со своей манерой исполнения, действительно заставляющей что-то внутри сжиматься – и даже желать поддержать их голосом, хотя для меня это невозможно. Да, причина была только одна. Опять Рабас.

Но я не знаю, почему. От его игры мне хочется поднять глаза и смотреть туда – на бывший звездный дом. Искать знакомые сияния созвездий. Гадать, какое там сейчас время года. Хорошо, что я закрыла глаза. Я была близка к тому, чтобы показаться парням еще более странной...

Я не сделала и десяти шагов, дверь открылась, на секунду выбросив шум, и я увидела – хм, Рабаса. Он замер и будто о чем-то тяжело задумался. Потом заметил меня.

Подожел. Ситуация стала для меня неловкой – я хорошо помнила, кто спас меня тогда на «крыше».

– «Нормально», – произнес парень, смотря на меня сверху вниз из-за роста. – То есть каждый заслужил пару слов, Джесс еще похвалу, а я – «нормально»? – поднял он брови.

Но даже эта фраза не показалась мне агрессивной.

– Извини, я не могу оценивать твою музыку. Она, – зачем-то говорила я, пока рука тянулась к сердцу. – Другая. Она о другом.

И этого другого слишком много. Теперь – и во мне тоже?

Такого ответа оказалось достаточно. Рабас просто наблюдал за мной. Сверху вниз.

– Раньше ты действительно была в очках, Шоко прав, – сказал он вдруг, что было явным сигналом поскорее закруглять разговор.

Какие тут наблюдательные в этом Уме! Я отвязалась тем, что забыла очки в библиотеке. И ура, это сработало.

Глава 3. Шоколадный

С нашего набора продолжило обучение всего два человека (очень смешное слово) – я и гном Арпику. Остальные восемь просто не справились – не знаю, был ли кто-либо из них этим разочарован, – а вампира Вурпи выгнали со скандалом. Даже я не понимаю, как он додумался дэа Умбраду подсунуть взятку. Криков было. Теперь я знаю, какой у вампиров фальцет.

Ближе к марту, когда студенты освоились на первых неделях семестра, мысли их упорно и с каким-то вожделием возвращались на арену. Постоянные разговоры, охи-ахи, обидные замечания в сторону будущих противников – наверное, некоторые могли бы там поселиться, перенесли бы на арену кухню. Мне приходилось несладко. Но не в том плане, в котором можно было подумать.

Шоколадный. Корень всего – Шоколадный.

Это имя мне не раз доводилось слышать в стенах университета. Прозванный так за цвет волос, парень был высоким, что-то у них было общее с Дайреком, разве что темпераментами они расходились. Он всегда умел говорить непосредственно, как будто вы уже давно на короткой ноге. Я слышала, что те студенты, которые никогда с ним раньше не пересекались, при первой же встрече могли получить от него какое-нибудь поручение, и ни у кого не возникало мысли это проигнорировать. На своей шкуре это испытала и я.

«О, Крома, помоги, а? Вот этот свиток поддержи.»

«Сейчас сюда поворачивать. Значит, осталась на каникулы?»

«Почему ты не прогонишь Мопса? Как не мешает?»

«Слышал, ты назвала на экзамене редкую траву, молодец. Кто научил?»

«Походи на общию магию. У Френсиса после пары месяцев практически у всех сила прорезается. А тебе хватит и месяца. Правда?»

«Погоди, еще сюда надо заглянуть. Дайрек! Я привел вам самого беспристрастного оценщика!»

Только ноги вовремя уноси. Моя встреча с преподавателем, которого легко можно спутать со студентом ввиду молодости, прошла как раз в таком бешеном режиме, когда ничего не успеваешь сообразить. Я только поняла, что раньше с Френсисом уже сталкивалась.

А Шоколадный умел заговаривать зубы. Правда, это было и хорошей чертой. Он организовывал практически все мероприятия в Уме, кроме тех, которые обязаны были по долгу профессии устраивать преподаватели. К нему постоянно обращались с различными вопросами, потому что знали, что Шоколадный все решит. Я ни разу не слышала, чтобы это кого-то раздражало. Его популярность портили разве что «Фениксы», но последние сами не устроят концерт – это делал Шоколадный. Переговоры проводил Шоколадный, с преподавателями от имени студентов общался Шоколадный, все делал он.

И однажды я оказалась вместе с ним на арене – и небесные боги, я совершенно не помню, как потеряла бдительность!

Но выбраться туда определенно стоило. Когда над головой носилась чужая магия, орали разгоряченные студенты (я отчего-то запомнила имя Лейва, видимо, его скандировали чаще других), и вокруг все выло и вспыхивало ярким, выжигая глаза, Шоколадный непринужденно шел к амбарам. Я смотрела на выпрямленную спину, до меня доносился сквозь гул воюющих его спокойный голос.

В какой-то момент я остановилась и обернулась взглянуть на разворачивающийся позади хаос. Столько магии. Сильной магии. И есть сильнее – мне ли не знать? Если... если Ковена мне все-таки удастся найти самой, то что потом? Чем я смогу его защитить? Я учила пока только травы, но уже успела понять, насколько глубокие знания получал каждый в Уме. Я глупа, если думаю, что могу с кем-то здесь тягаться. Даже на простом занятии...

– Заходи быстрее, – окликнул меня Шоколадный, и я нырнула в приоткрытую дверь. Парень свистнул – включился свет.

– Ты специализируешься на звуке? – заметила я мельком.

Прежде чем оцепенеть.

Шоколадный засвистел снова, более напевно.

– Не пугайся, они это чувствуют. Мясо ягненка в какой сумке?

Хорошо, что он не предупредил, куда мы идем. Это были драгушни. Я не слышала о них ранее, предполагая, что люди драконов не выводят. И в небе над Зелоорью никогда не видела этих существ.

Когда первый шок прошел, я даже смогла привести сравнение – больше всего животное передо мной напоминало перекормленного крокодила. Ручной дракон – насколько может быть ручным существо таких размеров – впился в меня глазами, и даже кормящий его Шоколадный не мог отвлечь его на себя, как бы ни свистел и что бы ни приговаривал.

– Твоя очередь, – протянул парень мясо, и я попыталась в один взгляд вложить все, что думаю о степени адекватности его предложения. – Не дичись. Он смотрит на тебя! Ждет, чтобы покормила.

Дракон втянул носом воздух. Потом еще. Я прекрасно знала, что хотя бы один из них от меня не отвяжется. Как только я подошла вплотную, зверь потянул в себя не только мой запах, но и волосы захватил... Что ж, смысл такого приветствия более чем понятен. Недавно со мной так здоровались.

И эти *чувствуют*.

– Быстро ты ему понравилась, – улыбнулся Шоколадный, а в следующую секунду останавливал блестящие клыки, так как мне попытались откусить голову. – Тише-тише. Крама, делаешь успехи!

– Когда, говоришь, Френсис занятия проводит? – я уверенно взяла в руки сырое мясо. У дракона загорелись глаза.

– Групповые по вторникам и четвергам. Начать можно с них, – скрыл хитрую улыбку Шоколадный.

Оказывается, в Уме была прачечная. Это я узнала методом логического умозаключения – не стояло у Лорисы на полке настойки с таким запахом, которым пахло ее белье. Тем более, периодически запах менялся. Говорила бы со мной соседка почаще, а не ограничивалась «открой окно – закрой дверь», не пришлось бы мне, помимо котла для лунного зелья, искать большой, где можно было замочить одежду. Диву даюсь, как Умбрад до сих пор меня с поличным не поймал.

В очередной раз промахнувшись коридором – участливые голоса, подсказавшие мне в прошлом году выход на крышу во время сновидческого выброса, вернули меня на дорогу истинную, – я зашла в помещение, похожее на корабельную из личной фантазии творителя миров – тридцать белых коробок, в которых плескалось море. Похожи на наши звездные машины.

Это место было специально создано для новичков и не умеющих или не желающих пользоваться магией. Спасибо, Лориса, что сразу про него сказала.

Возле моей третьей от угла машины стояла, уставившись в потолок, девушка. Точнее, она смотрела в точку, где стена в потолок переходила. Пока я приближалась, закидывала вещи в барабан, чудом ее не задевая, включала машину, девушка оставалась в прежней позе. Затем минуту мы слушали бормотание стиральных коробок. После этого я рассудила, что следующую партию лучше закину попозже. Через часик-другой. На всякий случай.

– Привет! – Я вздрогнула. Девушка светила мне улыбкой, как старому другу. Она начала медленно раскачиваться с носков на пятки, а потом будто сбросила с себя транс и протянула мне руку, развернувшись уже всем корпусом.

– Привет. – Я с опаской прикоснулась к ее пальцам. Ладно, горячие, она не призрак.

– Думаешь, было бы очень странно, если бы два измерения существовали воедино?

– Что?

– Я тут представляла, как из стены высовывается большая фиолетовая голова. Большая-большая! – Она попыталась показать размеры и ткнула в точку, в которую пялилась до моего прихода неизвестно сколько времени. – И голова нас не видит. Или видит, но мы ей словно мошки. Даже прихлопывать не надо. – Девушка улыбнулась, а я на всякий случай сделала полшага назад. – Наверное, кто-то уже об этом думал, правда?

– Не знаю.

– Ну должно же быть! Я не могла первая об этом догадаться! Это же так захватывает!

Я покосилась на выход из комнаты.

– Ой, я до сих пор не принесла Лоре бальзам! Надеюсь, она на меня не в обиде? Я все время забываю.

– Какой Лоре? – вежливо улыбнулась я, условно поддерживая разговор.

– Я твоя соседка. Меня Труша зовут.

Очнулась я только через несколько секунд.... Так все эти месяцы мне не Шоколадного стоило опасаться.

Неудивительно, что Лориса ничего про третью девушку не рассказывала. Я уже не обращала внимания на кровать, давно превратившуюся в фон, подобно стенам нашей комнаты. И надо же, тут такая встреча.

– Приятно познакомиться.

– И мне! – обрадовалась обретенная соседка. – Ты же Крома, да? Я столько слышала про тебя от Шоколадного!

– Очень мило с его стороны. – Нашепчу драконам, чтобы откусили ему язык вместо моей головы.

Ответить, где она была все это время, Труша внятно не смогла. Видимо, для нее понятие комнаты распространялось на весь умовский комплекс. С чего вдруг она решила изменить своей манере и вернуться к нам, осталось для меня загадкой. И лучше, наверное, не спрашивать.

Она вызвалась проводить меня, и пока мы шли, не обращала на меня ровно никакого внимания, будто я вдруг оказалась той иномирной большой головой, которую можно игнорировать в отместку, раз она не видит. Да, таких выделяющихся людей мне здесь еще не встречалось.

Вдруг Труша резко остановилась и поклонилась почти всем корпусом, взмахнув пушистым хвостом. Я чуть было не решила сделать вид, что с ней незнакома, как заметила, что не она одна ведет себя странно. Правда, никто не кланялся с таким же размахом, но студенты начинали замедлять шаг, склонять головы и даже приглушать разговоры. Причина такого поведения стала очевидна мне не сразу.

Этот подросток был невысокого роста. Возможно, когда он поравняется со мной, то даже будет ниже. Несмотря на абсолютно белый цвет волос, – с седыми их сравнить не поворачивался язык – ему невозможно было дать больше пятнадцати лет. Я бы никогда не подумала обратить внимание на парня, но поведение окружающих меня настораживало.

Он здесь популярен? Я никогда не замечала, чтобы кланялись «Фениксам» или Шоколадному. О, если поклониться последнему, он удивится настолько, что больше не будет приставать?.. Даже не все преподаватели устаиваются кивка головы в перерывах между занятиями – вокруг обычно слишком много суеты.

Сейчас же во взглядах студентов я читала уважение, глубокое и аккуратное, редкое любопытство и ни одной щепотки восторга, которого в избытке можно разглядеть в очах безответно влюбленных поклонниц «Фениксов». Ни на один поклон подросток не отвечал. Мне на секунду подумалось, что, может, так и выглядит человек другого измерения: он живет в своем мире, пока ты можешь видеть его.

Разглядев в его ничем не примечательном взгляде усталость, когда он поравнялся со мной, я мысленно пожала плечами и перехватила белье под другую руку – один рукав уже отсырел.

– Ну что ты стоишь? Пошли! – прервала сеанс почета Труша, когда беловолосый подросток ушел далеко вперед: она резко выпрямилась, и теперь выглядела еще более лохматой. – Наверное, я бы не выдержала столько времени закрытого пространства!

– Ага, – отреагировала я.

– Когда я первый раз его встретила, у него, кажется, была родинка на щеке. Или нет? Мне иногда так хочется, чтобы он в чем-то изменился. Хоть во внешности.

– Он так известен?

– Мм?

– Я не видела его в новом наборе.

– В каком наборе?.. Ах, он здесь не учится! – искренне засмеялась Труша. – Он что не выходил весь прошлый триместр? Ой, да, не выходил. Понятно, почему ты так говоришь. Обычно директор хоть раз в триместр выходит из кабинета. Как считаешь, он вышел посмотреть на Верналикв?

... Через пару секунд я налетела на колонну.

– Ой, ты не ушиблась?

– Что ты сказала?

– Ты не ушиблась?.. Ах, для звания ректора он слишком молод, не находишь?

– Слишком?

– У меня в комнате есть пластырь. То есть у нас в комнате.

Я потирала лоб. Пластырь-то я давно использовала, нашла его, убираясь на подоконнике.

С ума сойти. Ох уж этот Ум...

– Сколько ему лет?

– Не знаю. И никто не знает. Но он заведует Храмом уже очень давно.

– Это что, какое-то мощное заклинание?

– Наверное. Я не спрашивала. – Труша на секунду погрузилась. – Он мало с кем разговаривает. Первое время, помню, над нашим курсом пошутили старшие. Сказали, что будут выполнять все наши пожелания, если хоть одна из нас сможет его приворожить. Ха-ха, это было жестоко.

– Представляю, – пробормотала я.

– Так что ты так тоже не делай. Мы сначала пробовали на нем зелья. А какое у тебя самое сильное приворотное? Ой, а ты «Фениксов» уже видела? Кто тебе там больше нравится?

Мне сильно захотелось, чтобы нам стало не по пути. К моей несказанной радости, так и случилось – Труша, продолжая щебетать что-то про «Фениксов», убежала в их предположительном направлении. Я же оглянулась назад, туда, куда исчез *директор этого Храма*.

Боюсь представить, какие тайны Ум еще скрывает. Руководитель, выглядящий как мальчишка? Портал, что пропускает опаснейших магов всех времен? Темный, о делах которого неизвестно, но которым здесь, кажется, восхищаются...

Я отогнала непрошенные мысли. Я знала, куда попаду, пусть и не представляла масштабов. И теперь знаю, как можно быть к этому готовой. Френсис поможет. Шоколадный ведь обещал?

А пока можно занять голову, как и остальные студенты, предстоящим событием. Приближался Верналикв – праздник, встречающий весну. На наречии Ирлангена он звучал очень красиво. Там его праздновали в равноденствие – именно в этот день, считают ирландцы, по настоящему обновляется природа, просыпается жизнь и магия.

С Владимирой мне его не случилось отметить. А здесь, в Уме, хоть все были далеки от традиций, – иначе храм никогда не вылезал бы из празднеств – этот день готовились привечать. И наверное, как-то особенно. Песни, танцы, поклонения?..

«...особенно мне не терпится увидеть, как танцуют волькийки. Говорят, их же учат этому с самого детства? У нас здесь их нет, печально. А еще слышал, что они танцами могут достучаться до голосов. Короче, сам понимаешь, как меня тянет в ваши стены до равноденствия. Но не уверен, что меня так рано отпустят...»

Я свернул письмо и свистнул:

– Эй, ты же мне доставишь пустой кристалл к Верналикву?

– Пустой? Шоко, ты будешь записывать празднование?

– Да, тут один клыкастый не сможет попасть на него, но очень хочет увидеть.

– Нет проблем. Но голоса, не знаю, запишутся ли.

– Со звуком я сам разберусь.

Уж другу не помочь – не в моих правилах.

Глава 4. Фениксы

Среди горных вершин размывало последние солнечные пятна. Время сумерек послужило долгожданным сигналом – порталы Ума начали потихоньку выпускать студентов наружу, и на природе сразу же взялись за дело: стали растапливать заклинаниями землю, создавая островки, пускать воду в речке – мне показалось, что я услышала, как она журчит, освобожденная от сковавшего ее льда...

Я стояла возле окон четвертого или третьего этажа, наблюдая приготовления к Верналикву. Коридоры опустели – позовешь чью-нибудь душу, а тебе откликнется эхо. Удивительно, что тишина завладела храмом так быстро – выступление «Фениксов» закончилось от силы полчаса назад. И судя по крикам, их успех должен был придержать женскую половину в стенах университета подольше.

Видимо, традиции праздника оказались сильнее. Студенты усеивали территорию крошечными фонариками из плотной бумаги, и в расположении этих, пока еще темных маячков мне виделись таинственные тропы, проложенные кому-то очень важному.

Вскоре волькийцы стали перекликаться на своем наречии, а остальные с нетерпением смотреть по сторонам и возводить глаза к небу. Но не звезд же, скрытых сумерками, они там искали?.. В какой-то момент начала литься песня. И не от волькийцев. Я ахнула. Мягко, наполняя душу трепетом и успокоением, она шла сверху.

Я впервые слышала ангелов.

Волькийцы начали танец. Следуя небесным голосам, они мгновенно стали их продолжением. Тысячи крохотных фонариков зажглись медовым светом, а ребята уже слились в едином порыве с окружающим миром.

Это было чудесно. Я и не представляла, что у людей может быть такая красота. Ангелы – будто воплощение самого высшего существа, ниспосылали свое благословение. А люди танцевали, все вместе призывая весну. Как же ей не откликнуться.

Повинуясь внезапному порыву, я чуть не подхватила мелодию небесных соседей, но это же было так глупо, верно? Звездам недоступен талант голосов, мы знаем лишь музыку, а ангелы наоборот. Это устроено справедливо – что было бы в мире, не будь этого равновесия? Поэтому я, как и любая звезда, никогда не пела. И люди не осмеливались петь вместе с ангелами. Даже волькийцы, которым – ах, все же – было до ангелов далеко...

Значит, в этом мы с людьми совпадаем?.. Иногда я не понимаю, по подобию кого из нас, двух народов, создавался другой. Мир звезд отличался от земного, но в такой ли большой степени? Мы никогда на небе не задавались вопросом, откуда произошли. Не обсуждали это на занятиях, я не слышала ничего от мамы. Когда ты спускался вниз и встречался лицом к лицу с тем, что изучал по учебникам, то понимал, что готов к жизни здесь лучше, чем мог думать. Так какая в сущности разница, кто был первым?

Я почувствовала... как что-то касается моей талии.

– Ауч! О-о... – Дайрек держался за нос. О духи, Дайрек! Это был всего лишь он! А я резко откинула голову, наградив его сиюминутное внимание к моей персоне.

Я же подумала, что это тот сумасшедший призрак, брррр.

Джесс придерживал солиста за плечо.

– Он немного выпил, Крома, – оправдал барабанщик действия друга.

– Я просто испугалась, – мне стало стыдно. – Я думала, здесь никого нет. Ой, прости. Это надо было сказать раньше.

– Кромушка, только улыбнись, и я все прощу, – Дайрек вытер покрасневший нос – обошлось без крови. – А хорош удар! – он одобритительно сгримасничал.

Я слегка покраснела от неловкости ситуации.

– А-ай, мы ж зачем, – Дайрек посмотрел на барабанщика, – зачем мы приходили? А, Крома, нападающая наша, мы «спасибо» выразить пришли.

– За что? – спросила я одновременно с верчениями Дайрека на месте и словами «Где этот Рабас?»

– Спасибо за помощь на репетиции, – тепло улыбнулся Джесс. – Мы отыграли хорошо. Иначе бы Дайрек, опьянев, у тебя бы на плече плакался.

– Когда я так делал? – совершенно не обиделся солист. – Эй, Рабас, эй! Ты как в храме заблудился! К Кроме дорогу можно не забывать, она не наша поклонница. Что жаль, – хитро подмигнул мне Дайрек, и Джесс хлопнул его по рукам. – Чего я? Я ничего!

– Да, другую причину ты и не мог придумать, – подойдя к нам, огрызнулся Рабас. В следующую секунду мне в лицо дхнуло пылью, а обзор загородило белое. – Спасибо, Крома. Мы ценим это.

Я поражено смотрела на букет из трех белоснежных лилий в окружении длинных изогнутых стеблей. Из основания лепестков тянулись нити слабого морского оттенка, но все остальное было белым. Это был мой цветок. Я взглянула на ребят. Я получала лилии каждый год там, на небе, в день моего рождения, чтобы цветок оберегал меня весь последующий год. Это хранитель моего волшебства. С весенним запахом... Ребята хоть осознают, что они сделали?

Рабас ненавязчиво поднес цветы ближе к моему лицу.

– Тебе не нравится? – удивился за всех Дайрек.

Опомнившись, я поспешила принять букет в руки.

– Спасибо, – произнесла я, тем самым обозначив на несколько секунд абсолютную тишину. Когда время разглядывания меня стало казаться уже неприличным, я обратилась к самому адекватному из компании: – Джесс, чего?

– Ты светишься.

Мое сердце замерло.

– Ты ожила, Кромушка! – воскликнул Дайрек. – Прав, Джесс! И я оказался прав: все-таки путь к сердцу женщины лежит через цветы.

– Предчувствую, на женский день мы разоримся, – усмехнулся барабанщик.

– О, идея-то! – оживился солист.

– Ау, какой я болтун.

Я прижала к себе букет, пока парни смеялись. Затем Дайрек стал выглядеть каким-то бравым. Он приосанился:

– Но иногда для благодарности «спасибо» мало.

– Остынь, Дайр, – попытался остановить его Джесс, а я инстинктивно подалась назад.

Но в эту секунду моей щеки кто-то коснулся.

– Ну, Раба-а-ас!

По коже прошел разряд. Я охнула, закрыв место поцелуя. Рабас потирал губы, и в его глазах я читала то же недоумение, что, наверное, отражалось в моих.

– Рабас! – смешно гневился Дайрек. – Это нечестно!

– Честно, честно, – держал его улыбавшийся Джесс. – У тебя Лиринетта есть.

Солист продолжил возмущаться.

Рабас, спасший меня от назойливого внимания главного феникса, убрал руку от губ.

– Что произошло? – спросил он. Затем бросил взгляд на отошедшую от нас парочку. – Кажется, эти двое не заметили.

– Я не знаю, – я в свою очередь оставила в покое щеку. Ее слегка покалывало.

– Черт, покалывает! – озвучил вдруг гитарист.

И я уставилась на него удивленными глазами.

– Тогда выгони всех с Верналиква! Где мои поклонницы! – крикнул уже издали Дайрек, а барабанщик засмеялся и махнул нам рукой, продолжая уводить его дальше.

– А Шоколадный разве не с вами? – выдала я первое, что пришло в голову.

– Он внизу. Следит за торжеством, – ответил Рабас.

Цветы в моих руках издавали сильный запах весны.

– Спасибо еще раз, – сказала я, и Рабас кивнул. – Мне очень приятно.

– Они напоминают тебя. Это Дайрек сказал.

– Мм. – Стопроцентное попадание. Ну дает солист, когда дело касается девушек. Я понизила голос: – И за него тоже спасибо.

Рабас не сдержал улыбки.

– Не готовил меня ты к этому, – зашипел Инланур, а я даже изумился – не знал, что эльфы так умеют! Но сделал вид, что не обратил внимания.

– Да ладно тебе, ты слишком нетерпим. Ум должен был тебя исправить.

Надеюсь, что Нур протянет рядом подольше. Ему нужны будут связи в будущем, еще благодарен будет. И с отношениями между их народами надо было что-то делать, и начинать прямо сейчас.

– Вампиров не исправишь, – отрезал эльф. Что ж ты будешь делать... Я попробовал отщипуться:

– Я как-нибудь подарю тебе клыки, и ты узнаешь, что с ними тоже можно кушать! О, вот и он, – сказал я прежде, чем Нур придумал, что возразить. Улыбка сама залезла на лицо – давно не видел этого черта! – Как жизнь, клыкастик?

– Эй, Шоко! – крикнул тот. Я успел зацепить за шиворот развернувшегося эльфа. Еще рано уходить!

– А тут, познакомься, мой друг Инланур.

– Прими извинения, – взглянул эльф на него в упор. – Шоколадный в печали нынче – друг у него исчез только что.

Я аж про себя прыснул.

– Нур немного предвзято относится к вашему народу. Не обижайся на него. Зато у него есть меч!

– А, мне бы поточить свои, – нашелся вампир и показал улыбку с клыками. Забавный парень! С такими легко найти общий язык, что же ты не понимаешь этого, Нур?

– Мне не по пути, – эльф отряхнулся, гордо глядя на нас обоих, и развернулся прочь. Э-э, он точно подумал про него, как про «красного». А меня сорокой обозвал. Ну, не пропадать же этой угрозе.

– Мы придем в тренировочный зал! – крикнул я ему вслед, и у Нура застыла на секунду спина.

– Нам влетит обоим, – усмехнулся гость. – Иногда я очень радуюсь, что мы с Ирландином не граничим.

– Как только стану известным – все силы на примирение ваших стран. Как добрался? – Мы хлопнули друг друга по рукам.

– Как выбрался. Надеюсь, коршун подзадержится с поручением об обратном переводе в Вышку, я его для этого подкормил. А отец не знает, что я здесь, – тише добавил вампир.

– Э-эй, и с тебя отец глаз не спускает. Вы и в этом похожи! – Я с досадой посмотрел вслед уходящему Инлануру. – Ладно, сейчас в тайник к «Фениксам» заскочим, я там кристалл с записью Верналиква оставил. Заодно с ребятами познакомлю.

– Дольче Гранд! О чем вы думаете?

Я осторожно постучала по ободку котла ложкой, сбрасывая жидкость. И услышала, как Лиринетта справа от меня громко сглотнула. Я с ней была солидарна.

– Вы так сказали, дэ Умбрад... Я уже не помню.

Сегодня, как и вчера, и еще несколько дней до, нельзя было делать резких движений и говорить что-то, прежде тысячу раз не прокрутив это в голове на верность формулировки. Прошедший женский день, который действительно опустошил кошельки «Фениксов» (подружки Лиринетты щебетали на разные голоса и немного недовольно о том, что им достался всего один цветок, а Лиринетте – букет багряных роз от Дайрека), странным образом отразился на отношении дэ Умбрада к нам, его студентам.

Парни с успехом играли роли призраков, на их лица было страшно смотреть. А девушки старались не открывать без надобности рот, но преподаватель начал с поразительной точностью угадывать наши мысли по лицу. Я так и не поняла, почему он разозлился.

Умбрад, засопев, отвернулся к доске. Я едва слышно выдохнула. В такие моменты, самые неподходящие, он снова напоминал мне мясника из Зерныха. Но тот хоть был добрым. А этот не слушает мои извинения непонятно в чем, а просто освежает мою тушку.

А вместе с городом Зелоори я еще вспоминала одного человека. Я зажмурилась и мысленно помотала головой. Не стоит, особенно после женского дня, думать об этом.

Дэ Умбрад работал над своим зельем и, казалось, о нас забыл. В классе булькали закипающие варева, и это было единственными звуками, и не совсем успокаивающими.

Так – я поглядела в рецепт – мне сейчас нужна какая-нибудь пряность. На ум пришли Владины уроки – однажды ее зубрежка меня выручила, я смогла пройти экзамен и остаться в Уме на второй триместр. И сейчас бы припомнить... Интересно, как она там поживает? Может, попытаться связаться с ней через птицу? Хотя где я найду тут ручных птиц.

Меня вдруг постучала по плечу Лиринетта.

– На, – стреляя глазами в Умбрада, она протягивала мне склянку. Незаметно для преподавателя мы осуществили передачу. Только теперь я всмотрелась в надпись. Пряность. Кори...

Что? Я метнула взгляд в «услужившую» соседку по партам. Корица? Я резко схватила другую склянку, стоявшую на моем столе. И тут мне напоминают про Вуржина? Ну уж нет!

– Крома Гранд!

Я перепугалась – и выронила в котел всю склянку с пряностью, а хотела добавить всего щепотку. Спустя пару секунд что-то стрельнуло, и от моего зелья потянуло жасмином. Сильным запахом жасмина. Сообразив, в чем моя ошибка, я медленно зажала нос и исподлобья взглянула на Умбрада. Над поверхностью моего котла уже набухла ярко выраженная пурпурная дымка.

Умбрад оперся руками на стол, и мы, почему-то обе с Лиринеттой, отступили на полшага.

– Гранд, вы запомнили, что именно умудрились перепутать, чтобы вместо ядовитого бальзама получить приворотное зелье? – обманчиво спокойным голосом уточнил дэ Умбрад. Я осторожно покивала. Владимира учила меня выходить сухой из воды, и любое зелье превращать в неядовитое. Вот хотя бы в такое, от которого глаза сладко щиплет. Но последнее, кстати, значило, что бальзам получился бы хорошим, насколько может быть хорошим ядовитое.

Лиринетта посмотрела на меня, как на дикую. Затем почесала нос.

– Тебя даже приворотное не спасет, – пробурчала она и с мучительным выражением закрыла лицо ниже глаз.

Ее подружки захихикали над шуткой, а я выключила горелку и надела перчатки – котел надо было вылить в раковину в углу аудитории. Толку теперь от него...

Вроде не слишком пузатый, а нести было тяжело. Я сделала пять шагов, как в ухо въелось:

– НЕ ВИДИТ!!

– А-а! – я вскрикнула, котел стукнулся о пол.

Со скоростью, близкой к свету, я бросилась прочь. Уйди, зараза Мопс! Крики в классе завторили моему, потому что жидкость влюбленным морем заструилась по полу, и тем, кого она коснулась, не повезло: стопы одного студента намертво пригвоздило, и он плюхнулся лицом в фиолетовое зелье, девушка поскользнулась, и марево с готовностью облепило ее тонкие руки.

Спустя полминуты мы посчитали, что в общей сложности пол вождедел четырех человек.

Умбрад, сбросивший фартук – это значило, видимо, что-то очень плохое! – унял одним взглядом негромкие посмеивания «выживших» студентов.

– Дольче Гранд, – ровно начал он и неожиданно вскричал: – Да матери-богини! Крома Гранд! Что с вами такое сегодня?! Приведите аудиторию в порядок – прямо сейчас! Урок окончен.

Он выкрутил горелку на своем столе резко, что у меня не осталось сомнений, он так сворачивал шею мне, и грузно вышел из комнаты. За ним, оглядываясь на меня и любвеобильную жидкость, потянулись остальные. А жертвы буравили меня глазами, неудобно лежа на полу.

Спокойно, Джина, ты знаешь, как изготовить противодействующее. Влада учила. Она выливали на улицу остатки зелий, и вы обе смотрели, как они действуют на прохожих, а потом обзаводились клиентами, покрывшихся сыпью или мхом.

Сбоку захихикал Мопс, и я сквозь зубы взвыла.

– Он тебя не тронул? – ахнула Труша, имея в виду дэ Умбрада.

Пять минут назад я наконец-то покинула аудиторию, ставшую испытанием для моего терпения, потому что призрак не уходил, а ребята, пойманные в ловушку зельевой лужи, коротали время, хохоча над тем, что он надо мной вытворяет. Правда, второй освобожденный студент, когда тело вновь подчинялось ему, все же прогнал нахала.

За пределами подземелья выяснилось, что сплетня о приворотном зелье уже разлетелась: Труша меня почти сразу нашла и принялась озабоченно раздавать советы. И ведь и в комнате ее хватает. После того, как она заселилась к нам с Зелким третьей, каждое наше утро стало начинаться с вопроса, где она сейчас спит. В пределах комнаты. Кровать была редким вариантом. Как-то Лориса зло пошутила, что Труша только на потолке не спала. Через пару дней эта оплошность была исправлена.

Но, в конце концов, сейчас эта непредсказуемая девушка рядом была меньшим из зол. И самое страшное, что могло произойти в связи с ней, я уже смогла избежать: я отучила ее спать под подоконником, где в бреши, оставшейся после посещения нетрезвых студентов, хранила ингредиенты для оборотного зелья.

– Ты такая умница! – Труша всплеснула руками. – Я бы так боялась дэ Умбрада на твоём месте! («Я так и делаю», – подумала я). Ты ему не попадайся под горячую руку, ладно?!

Я собралась сказать, что в Уме полно и других опасностей. Не успела.

До моего сознания дошел звук режущего металла, а спустя секунду я поняла, что дверь, к которой мы приблизились аккуратно, распаивается горизонтально – и еле отскочила от нижней половины, собирающей меня придавить. Наверху качнулись оставшиеся створки. А в зале, из которого пришло безобразие, уже сыпало осколками стекла.

Тренировочный зал. Там редко окна остаются целыми после суток продуктивной практики.

– Пошли отсюда! – подергала я Трушу, но она вмиг приросла к стене и выглядывала в зал. Краем глаза я заметила, как среди прочей суматохи решительно настроенный светловолосый парень с мечом пытается догнать свою высоченную противоположность. Потом почувствовала, что верхним частям дверей недолго осталось скрипеть, и метнулась прямо.

Меня чуть не сбил с ног Шоколадный.

– А, Крома! – тяжело дышал он и прислонился к стене, прячась. Я не сделала того же самого, представляя хорошо, что и там не безопасно. Парень нервно улыбнулся: – Какими судьбами?

– Труша, – кивнула я, и мы оба посмотрели на девушку, млеющую от вида оголенных потных мужских тел. Она медленно сползала по косяку. Уловив несоответствие, я глянула на Шоколадного: – А ты чего одетый?

– А я не занимаюсь, – выдохнул парень и вновь набрал в грудь воздуха. – Меня просто Инланур убить пытается.

– И ты за чистоту эксперимента – без оружия?

– Ты сегодня свободна?

– Нет, – сказала я на автомате, сразу вспомнив, что с Шоколадным надо быть начеку. Он, кажется, почувствовал себя увереннее: отряхнул руки, впрочем, не меняя место укрытия.

– Жаль, подсобила бы в драгушнях, – прозрачно взглянул он на меня.

– Нет, – повторила я.

– Кром, ты от меня скрываешься?

– Я не...

Минутку, какая еще «Кром»?

– Ты же не хочешь быть особенной? Мне все помогают, – попытался подловить парень, но я криво улыбнулась:

– Ты меня на это не поймаешь. – И завершила недолгий поединок взглядами: – *Шоко.*

– Вон тот кареглазенький, новенький, – подала признаки жизни Труша. – Я его раньше не видела, – и только сейчас она заметила Шоколадного и засияла: – Здравствуй!

– Тц, у нас столько клыкастых по универу ходит, а они западают как-то выборочно, – досадливо произнес парень и выглянул, обзревая обстановку. Под шум из зала я сделала пару шагов назад, а потом прибавила прыти. Как хорошо, что он сейчас занят и что Труша все-таки его отвлекла. Любопытно, как она вообще цвет глаз разглядела?

Тяжелый выдался день. Я пригладила волосы, приводя мысли в порядок. Отвернулась от шепчущих голосов – сегодня я их постоянно путала с посмеиваниями за спиной, поэтому не вникала, что они до меня хотели донести. Была только одна мысль – добраться до постели, и не посмотрю, что сейчас только время к семи вечера. Девушки, бежавшие в сторону, откуда я пришла, смущенно улыбались и шушукались. Следующий коридор должен был вывести к порталу, с которого я напрямик попаду к своей башне.

Я сделала несколько шагов.

...Меня сковал лед.

Я остановилась. Он шел навстречу. Облаченный в темную длинную куртку. Руки свободны. Взгляд безразличный. Я не могла сдвинуться с места. Парни, которые попадались ему на пути, уважительно кивали. Я попыталась поднести руку к груди, чтобы привести сердце в чувство – оно замерло, пораженное самым сильным заклинанием – страхом. Но, оказывается, я подняла руку только в мыслях, но на деле не сделала ни одного движения.

Тенебра. Я узнаю этого темного мага из всех людей на земле.

Пусть он пройдет мимо. Пусть не заметит меня. Я ему не нужна.

Мои ноги выросли в эти камни. Ему осталось всего пять шагов.

Он не заметит меня. Пусть он не заметит, нет...

– Акар!

Этот возглас заставил его замедлить шаг. Темный маг обернулся налево, откуда из прилегающего коридора к нему подходила группа студентов. Он от меня в двух шагах.

Парни подошли. Один протянул сверток.

– Всё, как просил, – буднично сказал голос, такой знакомый.

Кто это? У парня темные с отливом волосы. Это Шоколадный. Я не узнала сразу Шоколадного.

– Надолго к нам? – спросил еще один.

Присмотрелась. Дайрек. Дайрек тоже здесь. «Фениксы» здесь. То есть один феникс. С ними кто-то еще стоит, высокий, выше на голову.

Кажется, я снова слышу удары своего сердца.

Я еле-еле выдохнула.

– Акар Тенебра, – сказав это имя, высокий незнакомый парень поклонился так, что его спина стала параллельна полу. Я видела, как он смотрит на ботинки темного – а маг буравит ему глазами затылок.

Почему я до сих пор сделать шага не могу?

Не произнеся ни слова, темный развернулся.

Он проходил мимо меня.

Я почувствовала этот холод, преследующий его, словно тень. У меня на мгновение опять все внутри застыло.

Голоса доносились откуда-то не рядом, хотя это было не так...

– Ты, наверное, разочарован? – это Дайрек.

– Ничуть. Он также вел себя при первой встрече. Совсем не изменился.

– А где вы с ним виделись раньше? – снова Дайрек. Он удивлен.

– На небе. В звездной школе. Эх, хорошие были времена. Я пробыл там всего два дня, но впечатлений – на всю жизнь хватит.

– Да, помню, ты говорил, – вставил слово Шоко. – Я еще поразился тогда, что звезды выглядят как люди. Не знал, что такое существует, – уже несколько секунд он не сводил с меня глаз.

– Да ну?! А девушки там красивые? – заинтересовался солист.

– Красивее некоторых эльфиек.

– Крома, – Шоколадный вывел меня из непонимающего оцепенения. Я перевела взгляд на него, а потом снова на темноволосого парня. – Раз ты здесь, познакомься, наш клыкастый гость. Отпрыск одного из древнейших и богатейших родов. К нам по направлению из Вышки.

– Высшей Школы Вампиров, – пояснил Дайрек, а гость улыбнулся:

– Калаин Варакол.

Глава 5. Калаин Варакол

Даже не оборачиваясь на Шоко, я ощутил, как выражение его лица постепенно потеряло доброжелательность. Он громко фыркнул:

– Крома, вот от тебя я этого не ожидал! Ладно Труицу и таких, как она, но ты-то чего так реагируешь?

Девушка пялилась на меня большими карими глазами. Казалось, они сейчас вывалятся из орбит! Я переглянулся с Дайреком. Ничего примечательного в этой шатенке я не видел: еще бы очки надела, совсем бы в толпе растворилась. Но как только она услышала мое имя, ее превратило в обомлевшую статую.

– Я разочарован, – недовольно подвел черту Шоколадный.

– Эй, брат, я сообщу тебе пренеприятную новость, но ты крепись, – вдруг обнял меня за плечи музыкант и шепнул: – На тебя клюют только из-за денег!

Я засмеялся.

– Это во многом правда, – и улыбнулся девушке.

– О, Крома, – придумал что-то Дайрек, – этот очаровательный представитель вампиров заскочит к нам на репетицию, приходи и ты! Может, поесть принесешь? – добавил он с надеждой.

– Ну, скажи что-нибудь, – скрестил руки Шоколадный.

Шатенка открыла рот, не сводя с меня глаз:

– К-к-какой высокий, – выдала она неожиданно хрипло и постучала себя по груди.

Дайрек почти сразу захохотал.

– Верно! Вот любой супруге вампира профессиональной травмы не избежать, но твоя, Калаин, получит в придачу еще одну! – музыкант блеснул зубами.

– Шоко, – посмотрела девушка на успешного немного остывшего парня. Я заметил по ее шее, как она волнуется: она сглотнула. – Я тебя искала.

– Меня? – удивился Шоколадный, и мы все трое переглянулись.

– Да! – девушка набралась смелости. – Пошли в драгуини.

Теперь Шоко выглядел точно так же, как Крома минуту назад.

– Куда? – уточнил он с глазами размером с видеошары.

– В драгуини, – повторила девушка и набрала в грудь воздуха: – Я соскучилась.

Мы с Дайреком посмотрели на Шоколадного. Спустя несколько секунд он, наконец, очнулся.

– А, да-а, – он моргнул, едва заметно дернув плечами. – Пошли.

Я не мог не спросить его вслед:

– Что вы будете делать в драгуинях?

– Заниматься драконами, – Шоко недоуменно нахмурился.

– Ну вот, – воскликнул Дайрек, – а ведь Шоко ждал твоего приезда больше, чем встречи с возлюбленной!

– А она у меня есть, чтобы ты сравнивал? – поднял брови парень, и они с Кромой направились прочь.

– Эта девушка свободна?

– А что? – не понял музыкант.

– Да, так, – я помотал головой, прекращая думать о чепухе. В Уме, хоть на меня и обращают внимание, делают это неназойливо, а эта девушка Крома, скорее, исключение из правила. Здесь я могу так же, без зазрения совести, смотреть на чудесное скопление рас и быть уверенным, что никто не поймет мои намерения превратно – не вызовет на дуэль или не пришлет вскоре делегацию с поклоном, чтобы связать узами брака благородные дома. Здесь

я могу отдохнуть. Вдохнуть полной грудью магию, что пропитала тут каждый кубометр пространства, и забыть на время, кем родился.

– А ты уже был на арене? – спросил Дайрек, когда мы продолжили путь.

– Был, – улыбнулся я и сладко поехался. – О-ох, люблю вашу магию! Люблю ваших людей! Тот, с кем я бился, Лейвом звать, сцепился со мной, как волк. Иной раз побоишься такого на поле боя встретить, ни капли разумного в глазах. Но он дрался со мной искренне, не имея за душой никаких мыслей на мой счет. А как ваши драконы пахнут! Такая смесь тлеющего огня и мощи!

– По-моему, ты врешь, что вампир, – залыбился музыкант и подмигнул проходящей мимо девушке.

– Мне по статусу дракона иметь не положено. Только летучих мышей. От традиций, определяющих суть твоей культуры, избавиться очень сложно.

– Ты хотел сказать «стереотипов»?

Я слегка качнул головой:

– Это не одно и то же.

В этот момент к нам подошла хрупкая блондинка и у всех на виду прижалась к Дайреку. Это вызвало вокруг восхищенные женские вздохи.

– Что-то тебя давно не видно, – сладоточивым голосом произнесла девица, заглядывая музыканту прямо в глаза.

Я чуть отклонился назад, наблюдая, как ее ладонь залезает Дайреку в задний карман джинс.

– Составлял компанию другу, солнышко, – заурчал парень и кивнул в мою сторону: – И он свой.

– Так бы сразу и сказал, – к моему удивлению девушка моментально отлипла от музыканта и, ничуть не смутившись, улыбнулась мне. – Он новенький?

– Нет, по обмену, – непосредственно сказал Дайрек, а девушка протянула мне тонкую руку. – Ты же здесь бывал до нас еще, так?

– Да, когда в храме учился только Шоко. – Слегка обескураженный их поведением, я все же поднес руку золотоволосой красавицы к губам, и девушка, как водится, порозовела. – Мое имя Калаин Варакол. Могу я узнать ваше, прелестная?

Ее щеки еще больше вспыхнули.

– Это Лира, – ответил за подругу Дайрек. – Мы здесь пара.

– Здесь? – сначала не сообразил я, но в следующую секунду смекнул, что к чему. Ну конечно! Просто удивительно, что и в Уме так делают.

– Выгодный союз, долъче Варакол, – подтвердила мои догадки златовласая.

Ее кожа, казалось, сияет каким-то особенным светом. Я хмыкнул, смотря в ее голубые глаза, в которых мелькнул легкий блик.

– А вот мне не приходилось к этому прибегать.

Красавица засмеялась на мои слова.

Ее запах...

Медовая груша. Сладкий и немного терпкий. Такой дурманит сразу – наверняка усилен каким-то заклинанием. Возможно, способностями самой девушки. И к этому аромату – едва ощутимой нотой – примешивается что-то еще. Такое знакомое...

Меня вдруг похлопали по плечу.

– Эй, – прозвучал над ухом тихий голос Дайрека и не в меру изумленный: – Ты что делаешь с моей девушкой?

Я только сейчас заметил, как ярко пуницветуют ее щеки, а глаза выражают испуг. Нет, красным было все лицо. Вероятно... я слишком неожиданно наклонился. И слишком близко.

На нас уже оглядывались проходящие мимо умовцы. Я медленно выпрямился. Красавице стало дышаться чуть легче. Да уж, изрядно я ее напугал.

– Простите меня, милая, – принялся я заглаживать вину. – У вас... очень примечательный аромат духов. Мы раньше нигде не встречались?

Девушка выдохнула, глаза стали смелее.

– Я бы вас точно узнала, долбче. – Она бросила выразительный взгляд на Дайрека. Через секунду парень опомнился:

– Тебя проводить?

– Да! – громко шепнула она и растянула губы в улыбке, прощаясь со мной. Дайрек кинул на меня взгляд и после удалился, держа руку на тонкой девичьей талии.

Я смотрел им вслед. Хм... а вот будь мы в Вышке, на мою выходку не обратили бы внимания. Слишком уж она характерная для перипенейцев. Но все же странно... Лира оглянулась на меня и быстро зашептала что-то Дайреку. Я повел носом. Нет, запах уже пропал.

– Так что это было сегодня? – спросил солист «Фениксов», протягивая мне кружку с морской джиггой. Я подождал, пока он плотно завинтит крышку термоса и приладит его рядом в траву. Месяц серебрил поверхность спокойного озера, к которому мы пришли через портал десять минут назад. Я отпил чая.

– Не могу ответить с уверенностью, что именно.

– Неужели на тебя подействовали чары Лиринетты? – продолжал свое Дайрек, и я не слышал в его голосе ни малейшего негодования. Наверное, если бы я мог хорошо видеть его лицо, то разглядел бы искреннее любопытство.

Это странное дежавю... Как только я начинал думать о запахе златовласой, оно возвращалось. И сидение у ночного озера совершенно не приводило мысли в порядок. Я посмотрел на небо – там месяц затмевал свет звездных точек.

– Я где-то уже слышал этот запах.

– Такими сладкими духами много кто в Уме пользуется, по опыту говорю. – Дайрек хлебнул из кружки и громко хекнул: – Хороша джигга! Сифо делал, клавишник мой!

– Нет, это не ее духи, их я различил, – я снова задумался. – Это не та сладость, а что-то другое... Но не могу вспомнить, хоть убей!

– Ой, надо мне убивать богатенького сыночка, – хихикнул парень. – И на дуэль не вызову, не проси.

– А если твоя Лира повод даст?

Дайрек снова хохотнул, но я почувствовал, что тему лучше оставить. Потянул носом пар из кружки.

Озеро отливало ртутью. Вода волновалась в двух шагах от нас, омывая крупные камни. А на небе ведь почти тот же самый цвет.

– Ты говорил, что звезды выглядят как люди. Почему же они называют себя духами? – посмотрел на меня Дайрек.

– Не знаю, – я почесал подбородок. – Даже в голову не пришло этот вопрос им задать.

– Может, это не перепутать, кто кого вызывает?

– Или кто кому подчиняется, – поддержал я шутку, но одно воспоминание заставило меня помрачнеть и одернуть себя за неуместную мысль. – Мой язык... Знаешь, не только ведь я и Тенебра были на небе. Нас собрали шестерых человек, и вот от университета заклинателей был один парень. Неприятный тип. Нам зачитывали указания, и он даже тогда не мог прекратить себя вести как недоумок. – Я опрокинул в себя воду из кружки и поддержал жидкость во рту. – А как только мы вступили в стены звездной школы, этот придурак преобра-

зился. Накинул на себя шкуру невинной овечки, глазки испуганные, перед школьниками заискивает. Не удивлюсь, если какая-нибудь девушка купилась на его игру.

– Будем надеяться, что ни одной так не повезло, – поджал губы музыкант.

Я вздохнул, наблюдая, как рыба высунулась на мгновение из озера, потревожив ровную поверхность.

– В случае с таким заклинателем, как он, думаю, не спасет даже половая принадлежность.

– Тогда моя новость тебя не обрадует. – Мы обернулись. Шоколадный, собиравшийся присоединиться к нам после того, как закончит с драконами, шел по берегу. Его лицо в свете месяца мне не понравилось. Когда он встал рядом, то поднес руку к уху, видимо, только сейчас его «отключив». – Я услышал сегодня от Лингинден. Твой заклинатель приезжает завтра в Ум. И наверняка захочет с тобой повидаться.

Глава 6. Закар Джаш

Ошибся бы Шоко хоть раз в своей жизни, но и здесь он оказался прав. Далеко пойдет друг. Как только Закар Джаш вступил на территорию Храма, он будто намеренно искал встречи со мной. Когда появлялся в залах в неучебное время, озирался по сторонам, выискивая. На первое время к нему приставили Шоколадного в качестве гида, так вот первый вопрос, который кудрявый засранец задал ему, было «Правда, что Калаин Варакол тоже здесь?».

– Вероятно, даже мой нюх на людей может меня обманывать, – Шоко примостился рядом на скамью и отмахнулся от студента, которому от него что-то понадобилось. – В разговоре Закар не кажется таким поганцем, каким ты его описывал. Хм, если общаешься с ним впервые.

– Понимаешь разницу?

Я тут же нахмурился, потому что то, чего мне удавалось избегать все это время, случилось – Джаш меня заметил. Он изменился в лице: слетел приветливый, даже слегка пугливый лоск, заклинатель мигом стал самоуверенным. И широким шагом направился ко мне. В свою очередь я встал из-за стола и пошел в противоположную сторону, вон из зала. Шоко догнал меня, когда я уже был в дверях.

В коридоре я увидел Дайрека с Джессом. Солист помахал мне рукой, а потом вдруг взвизгнул, как девчонка.

– Уай! Напугало меня! – набросился он на искривившийся канделябр, который мгновение назад вспыхнул, как фейерверк, а теперь лизал огнем стену.

– Калоша! – долетело до нас четверых.

Мне пришлось остановиться. Джаш топал по коридору, будто это придавало его персоне значительности. С нашей первой встречи два года назад он отрастил волосы до лопаток, но выбрил виски, и теперь кучерявая полоса, разделявшая его голову на две симметричные зоны, придавала ему сходство со стриженным бараном. Наконец-то он походил на самого себя.

Джаш остановился в шаге от меня, и я заметил, как его глаза чуть сузились – ему приходилось смотреть снизу вверх.

– Мой знакомый вампир, – самодовольно улыбнулся он. – Что-то ты все бегаешь!

– А мне казалось, это ты преследуешь меня.

Он засмеялся, потеряв со мной зрительный контакт. Фениксы подошли к нам.

– Преследую? Я? – заклинатель поменял позу. – Два года не виделись, могли бы пожать друг другу руки! Но ты не изменился.

– Ты тоже, Джаш, – холодно глядел я ему в глаза. – Вот смотришь на тебя и думаешь, что все заклинатели такие.

– А ты знаешь всё о заклинателях? – криво усмехнулся он, и я прикусил язык. Я действительно не знал. Не мог даже сказать, как строятся отношения между звездным духом и тем, кто их призывает. Но я помнил точно, что никто из школьников-звезд не отзывался о своих людях плохо. Некоторые придирались, скорее, для проформы, чем были по-настоящему недовольны выбором небес.

Джаш попытался угрожающе приблизиться. Но его угроза только мышью напугает, и уже точно не летучую.

– Кажется, я знаю. Конечно! Ты просто не хочешь передо мной появляться. Почему? – заклинатель выдержал паузу. – Я умею то, что не умеешь ты.

– Ты ни капли не поумнел.

Но Джаш моих слов как не слышал. Он выставил руку в сторону, и через несколько секунд облако, ставшее на мгновение ватным, приобрело облик невысокой бледной девушки, и

он прижал ее за талию. Фениксы и Шоко, впервые видевшие магию призыва духа, удивленно воскликнули.

Закар растянул в улыбке губы, не сводя с меня пытливых глаз. Ищет, как бы я, расслабившись, принял его превосходство. Но этой возможности он не дожидается. Девушка-дух помялась и поглядела в пол. Воротник ее белой рубашки был застегнут под самое горло. А ноги скрывала длинная юбка, но у меня не было сомнений, она едва на них стоит.

– Это мой Овен, – представил духа заклинатель.

– Миленькая! – оценил Дайрек, судя по всему улыбнувшись.

– Милая, – подхватил Закар и медленно провел по щеке духа ладонью. Девушка зажмурилась. – И полностью моя.

Я почувствовал, как атмосфера вокруг сгустилась. Шоко тихо шепнул: «Мы можем вмешаться?» Но я понятия не имел. Эти двое скреплены договором. Но каким именно? Между тем, Джаши продолжил унижать девушку.

– Она вполне способная. Делает всё, что я велю. Абсолютно всё. – Он остановился взглядом на ее груди, и будто что-то вспомнил. Торжественно взглянул на нас. – Вам когда-нибудь с духом доводилось? А я пробовал.

– Прекрати, – взмолилась девушка, стараясь высвободиться. Но Закар крепко ее держал.

– Зачем нам знать об этом? – пророкотал Дайрек. У него только руки в кулаки не сжимались, потому что были засунуты в карманы джинс.

– Делось с вами тем, чего вы лишены, – ухмыльнулся мерзавец. – Ей ведь только прикажи. Удобно, да? – Он остановил на мне взгляд и произнес отдельно: – Я. Ей. Владею.

– Отпусти!

Девушка вырвалась. И сама же ахнула: глаза Джаши наполнились злостью.

– Что это ты делаешь? – Он схватил ее за запястье. – Забыла, кто главный?

– Отпусти, – уже прошептала дух. Заклинатель отчего-то улыбнулся.

– Не подчиняешься мне? – Он перевел взгляд на нас. – Ты знаешь, что будет, если ты не подчинишься. Знаешь свое место. Что будет, если нарушишь договор.

Девушка всхлипнула, испуганно смотря на нас. Прося о помощи.

– Я не знаю, ребята, что там между вами, – Дайрек выставил руку вперед, – но ты сейчас делаешь ей больно.

– Так я могу, – невозмутимо ответил Джаши. – Она моя слуга. Что, нравится? Нравится, когда тебя защищают? – обратился он к духу и показал глазами на солиста. – Он тебе нравится?

Девушка не смела сказать и слова. Закар наклонился к ее лицу:

– Так, может, хочешь пойти с ним?

Мне на секунду показалось, что я ослышался. Рядом Дайрек потерял дар речи.

– Хочешь? – продолжал заклинатель, пытая замеревшую девушку взглядом. – Отдать тебе такой приказ? Поделиться с ним тобой?

Мы не успели ничего сказать. Кто-то резко расцепил руки заклинателя и духа и залепил Джаши пощечину. Звук отразился от стен коридора, а канделябр рядом с нами снова вспыхнул.

– Как ты смеешь?!

Заклинатель отшатнулся и уставился огромными глазами на разъяренную фурию. Справа я услышал изумленного Джесса:

– Крома?..

Мне не хватило силы стерпеть это. Демоны Вселенной, заберите его душу в самую глубокую черную дыру! Чтобы никогда этого заклинателя больше не являло передо мной! Как он смеет называть себя заклинателем!

– Ты... т-ты... т-т-ты кто такая? – В огромные глаза было ненавистно смотреть. *Я замахнулась!* Он отскочил, все еще держась за щеку. На которой, увеличиваясь, проступало красное пятно.

– Заклинатель? – проговорила я это слово и почувствовала, как по телу растекается жгучая горечь. Она начинает печь мое сердце и быстро подбирается к лицу. – Какой из тебя заклинатель – черта с два!

Перед глазами встает Ковен. Его улыбающееся, теплое лицо. А затем – оно сменяется. Резко! Холод. Жесткие глаза. Его крик, когда он меня прогонял. Горечь уже сковала мое горло...

– Ты не имеешь права себя так называть!.. – Последние слова вырываются тихими. Шоко смотрит на меня, вампир смотрит на меня, фениксы – все обращают на меня глаза в этом коридоре.

Заклинатель трясется передо мной. Заклинатель...

Сзади меня стоит звезда, небесные боги. Самая настоящая. Она все слышала. Она прячется за спиной. Овен. Зодиак. Я ее не знаю. Она меня не знает. Она не должна меня узнать! Что я делаю, духи? Что я делаю...

– Не тебе решать! – Голос огрубевший – заклинатель взял себя в руки. Он выпрямляется. В глазах застыл огонь. Или лучше сказать, молнии?

Я не верю, что это он. Я же помню его, этого мальчишку. Как он шел по дороге нашего сквера, все ближе к звездной школе, как шугался нас, какие были глаза у него испуганные, шахерезадник, лучший из лучших, его направили к нам... Но эти глаза я начинаю узнавать. Понимаю с ужасом – они не изменились. Может ли человек измениться за два года? Может. Но этот не менялся. Он *всегда* таким был.

– Не лезь не в свое дело, – проговорил с угрозой заклинатель и обернулся на фениксов: – Она не выполнила приказ!

– Ты ничего ей еще не приказал! – Моментально прихожу в себя. – А если посмеешь?! Такой приказ противоречит кодексу.

– Что ты знаешь!..

– *Она не твоя слуга*, – сквозь зубы выгрызаю я слова – пока меня не загнали в угол вопросами. Голос получается как у зверя. – Она *равноправный* участник договора! Она в таких же условиях, как и ты! Я знаю *это*.

– Думаешь, это было раз! – вдруг взвизгивает он. Ко мне вплотную – я вижу его бесящиеся зрачки. – Думаешь, я только сейчас? Ха-ха, она *молчит!* Она *терпит*, понимаешь? Ты думаешь, ты права? Ты права?!

Позади слышится всхлип. Что я творю?.. А если это действительно так? Мне на мгновение хочется отступить от этого заклинателя, я не знаю, что он выкинет. На миг мне кажется, что они изменили условия договора с первого подписания, что ситуация входит в случаи, в которые вмешиваться посторонним нельзя...

Почему же тогда возмутились фениксы? Что Дайрек услышал такого? Он так растерялся, когда заклинатель начал шептать звезде... Что это было? Это не могло быть просто так! Если человек, который не знает о звездах, обомлел и не мог сказать!..

Человек. Люди. Они не знают. Ничего не знают – ни о договоре, ни о заклинателях. Ничего. Это наше уязвимое место. Звездный дух не может подать жалобу без свидетелей, которые подтвердят его слова. Но откуда люди знают, что верно, а что нет? Эта вещь, единственная, охраняет заклинателя от несправедливых обвинений со стороны духа. Для людей, наверняка, все очевидно – тот, кто призвал, всецело повелевает. За звезду заступаться на земле никто не

будет, а на небе наши «хозяева» никогда не появляются. И дух остается бессилён защитить себя.

Если только нарушение закона не увидит другой дух.

Заклинателя за шкуру берет Дайрек – и отталкивает от меня.

– Ты слышал, что она только что сказала?

Дайрек не понимает на самом деле, что делает. Но он делает правильно. Это даёт мне время. Я оборачиваюсь к духу.

Как она боится, звездочка.

– Это прописано в вашем договоре? Ты знаешь, что он от тебя требует? – говорю я, едва удерживаясь, чтобы не схватить её за руки – *вдруг она меня почувствует.* – Этот договор только ваш. Никто не вправе решать, кроме вас двоих! – Я боюсь смотреть в её глаза дольше, вдруг она меня узнает! Овен мнет свои пальцы. Оглядывается на закливателя, которого пока удерживают фениксы. Звезда открывает рот – но ни слова оттуда. Я не верю, что я сейчас это сделаю: *я начинаю цитировать ей кодекс:* – «Звездный дух имеет право отказаться от выполнения приказа, если тот противоречит моральным убеждениям духа и нарушает другие звездные права, и может расцениваться, как жестокое обращение закливателя». Это оно? Скажи мне!

– Звезда МОЯ! – взрывается сзади закливатель, и у меня холодеют щеки.

А Овен хватается мои руки.

– Спаси меня!

Через секунду меня разворачивает рывком – закливатель.

– С дороги! – отпечатывается его крик в ушах, а я сцепляю пальцы, успевая испытать удовольствие от его меняющегося взгляда. Затем – меня настигает *страх*... Но я крепче придавливаю пальцы друг к другу. Знак Жертвенника. Отступать некуда.

Я зывала к Звездному Совету.

Поток воздуха хлынул вверх, взметнув мои волосы. А закливателя отбросило. Я поняла это, потому что он кричал. Но не увидела – пелена мутного цвета загородила обзор. Вихрь взмыл, опоясав меня и Овна, и набирал оборот. Я посмотрела на свои дрожащие пальцы, будто сросшиеся вместе, и почему-то не могла разлепить. Заклинание подействовало. На голову полился белый свет Зала Совета. Ещё и свет. Мне конец.

– Властью... данной мне звездным родом Жертвенника, – произносили мои губы по слогам. По телу пополз озноб. – Во имя благополучия небесного народа... не утаивая правды и не придумывая лжи, я обращаюсь к звездным верховникам.

Вихрь кромсал потолок, но уже стал ровнее. Я зажмурилась. У меня спирало дыхание. Это не из-за ветра... я сдаю себя звездному конвою. Надо обойти формулу.

– При многочисленных свидетелях, – не называть, что это Универсальный Магический Университет! Подойдет просто: – При многочисленных свидетелях, магах земли...

Овен придерживала длинную юбку. Глядела вверх, улыбаясь – там внутренние стены Зала... Я соображаю: это последний шанс. Чтобы не выдать себя.

Моего имени – не будет.

– Я... констатирую нарушение правила Кодекса: жестокое обращение закливателя с подчиненным звездным духом. – Я затараторила. Формула без имени заявителя – она должна пройти. Должна!

Гул ветра сросся с ушными раковинами. Не видно ничего вокруг – все окружающее свет, он с каждым мигом ярче.

– Согласно заявлению звездного духа рода Овна, – твердо говорю, потому что звездный зал встает перед глазами, – выслушав прежде обе стороны магической связи, я беру право. Я расторгаю договор!

От вихря со свистом отделилась струя и обвила тонкое тело Овна. Закутанная в свет, она оглядывала свои исчезающие руки.

– НЕ-Е-Е-ЕТ! – пронзил током отчаянный вой заклинателя.

– Спасибо! – крикнула звездный дух. Ее лицо, полное счастья, не стирается перед взором еще несколько секунд. Она только что была здесь. Но вихрь – исчез, забрав ее с собой. Коридор снова принадлежит Храму. Студенты глядят ошарашенные.

Бывший заклинатель разворачивает меня.

– Что ты наделала?!

Его отгаскивают вдвоем вампир с Шоколадным.

– Я освободила звезду, – неожиданно тихо звучит в безмолвии остального коридора мой голос. А глаза – чувствую – застилает новая пелена, и она же просится на язык.

– Ты!.. – Вдруг слышу у заклинателя слезы. Они в его глазах, делают их громаднее. Он взрывается: – Ты мне за это ответишь!

– Да что ты сделаешь?! Ты, заклинатель!

Он стоит передо мной, смотрит! Его окружают люди. Он снова в окружении людей. Он смотрит гневно, и его взгляд не меняется. Зачем ты это сделал. Скажи мне, Ковен, зачем?

– Ты даже не мог защитить свою звезду...

Ковен смотрит на меня. Его взгляд такой же. Спустия столько времени. Он неизменен.

– Я тебя ненавижу.

Отворачиваюсь. Оставляю видение прошлого за спиной. Хочу поднести руку к глазам, я почти ничего не вижу из-за этой воды...

Тенебра.

– Тенебра. – Голос заклинателя подтверждает, что это не миф.

Шаг назад. Неужели это правда? Темный маг целеустремленно идет сюда – он идет сюда! Я бросаюсь бежать.

– Нет, Тенебра, нет!

Ужас заклинателя утопает в моем. Следующий коридор. Боковой.

Нет, только не темный маг, нет!

– Крома!

– Аа!

Кто хватает меня?

– Крома! Кром! Эй! – трясут меня за плечи.

Кто трясет меня?.. Это Рабас.

– Там темный маг. Там темный маг, – смотрю я на музыканта, но он не понимает. – Он пришел за мной. Темный маг!

Рабас обхватывает меня за плечи. Уводит без раздумий.

– Тише! Идем.

Впереди комната. Здесь глухо, будто в уши вату положили. Какой-то запах. Рабас проводит меня в другую комнату. Полнейшая тишина.

Рабас, Тенебра там, за дверью, он тот темный маг, он меня ищет...

– Все хорошо, Крома, все хорошо, – он не может слышать моих мыслей, но пытается успокоить. – Тебя никто не обидит. Я здесь.

Мелкая дрожь начинает проходить, когда парень проводит ладонями по моим плечам. Будто тепло, немного колкое, как электричество, проникает в мое тело и растекается, желая достичь самых удаленных уголков моей души. Я старательно привожу мысли в порядок, пока Рабас смотрит на меня, пытаюсь отыскать разумное в глазах.

Он гладит меня по плечам.

И пока он делает это, я понимаю самую важную вещь...

Я только что освободила звезду.

– Я сделала ужасную ошибку, Рабас, – произношу я ломающимся голосом. А парень выдыхает, расслабляясь. Он думает, что мне уже ничего не грозит.

Он треплет меня по волосам, еще больше их взлохмачивая, и говорит, что мы пока остаемся здесь. Пока я не приду в норму.

Тут же отходит, оставляя меня с собой наедине. Бросив взгляд вокруг, я понимаю – мы в библиотеке. В комнате для занятий.

– Сюда никто не сможет войти, пока мы не откроем дверь, – говорит Рабас откуда-то сзади. Он уже копошится в книгах. – Это место изолировано. Тот, кто захочет позаниматься, зайдет в комнату уже в другой части измерения. Так что отдыхай.

Я облокачиваюсь спиной о стол и закрываю глаза. Столько всего произошло. Не хочется думать об этом. Мой лоб такой горячий, что впору на нем еду выпекать.

– А-ха-ха, не ви-и-идит, – выезжает из небытия голос Мопса, но Рабас тут же укрощает его пыл:

– Свали, дварф тебя! Или мне еще один твой дом разбить?

– Я другой вазы не нашё-о-о-ол! – обидевшись, и видимо, очень серьезно, призрак пропадает из звукового наполнения комнаты.

– Так это тебя мне надо благодарить, – оборачиваюсь я к Рабасу, – что этот черт таскается за мной?

Парень вдруг выглядит виноватым, а мне как будто становится легче. Все возвращается на круги своя. Ум, призрак и учеба в виде зубрежки книжек. Как будто все, что случилось минутами раньше, произошло не со мной или было очень давно.

– Это было в мой первый день в Храме, – Рабас положил на стол стопку раскрытых книг. – Я тогда был не в курсе, что в той вазе кто-то живет.

Он отошел к новой полке, а мне бросился в глаза текст на верхней странице одной из книг. С трудом я смогла прочитать:

«И станем мы к звездам ближе.

Небеса умоют лицо...»

Я отвернулась в тот момент, когда Рабас вновь подошел к столу. Что-то пробурчав, он захлопнул верхнюю книгу и убрал подальше. Я вздохнула глубоко – верно, хватит с меня неба.

Я утерла сухими ладонями лицо и уселась на пол, прямо под стол. Парень наверху зашуршал страницами, погружившись в полезное занятие с головой. Нас действительно никто не беспокоил.

Глава 7. Огненный

Крышка люка поддалась, скрипя от холода, и парень высунул наружу голову. Сначала он оглядел окружающий ночной пейзаж, прислушался к журчанию воды, которая ближе к маю будет падать из ртов скалистых лиц, а пока лишь омывала подножия башен. Затем он вытащил на траву гитару, кинул плед комком, и последним показался фонарь, в котором мерным светлячком горела желтая лампочка, сташенная из светильника.

Рабас вылез полностью, захлопнул люк, отряхнул руки.

– Альв тебя! – испугался он, и я подтянула к себе ноги. Рабас вмиг разочаровался, видимо, что на крыше он один не посидит. – Тебя-то чего принесло?

– Я тут отдыхаю, – пробормотала я, устраиваясь поудобнее.

На самом деле, у меня спина уже давно превратилась в тот холодный камень, о который я опиралась, и месту сидения тоже было не до природы и свежего воздуха. Организм говорил мне спуститься в Ум. Но я держалась.

Рабас на мои слова ничего не ответил, постелил себе плед на траву и уселся в двух шагах от меня. Недовольно глянул.

– Можешь не прятаться больше. Закар уже уехал.

Он наверняка услышал, как я облегченно вздохнула. Поставил фонарь рядом с собой и взял в руки гитару.

– Тенебра тоже уехал, – вдруг сказал он, и на этот раз я удивленно на него посмотрела. И темный тоже?.. Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, но раз об этом говорит Рабас и так непринужденно...

Музыкант заиграл красивую и неспешную. Я повернула голову к небу, чувствуя, что от мелодии защекотала по нутру волна. Звезды перемигивались в вышине, будто отвечали музыке в такт.

Струны сфальшивили.

– Закар сильно нарывался своим поведением. Шоко сказал, что про него спрашивал директор, но парня уже не было в университете. Вроде бы он смылся, после того как с ним побеседовал Тенебра.

Я поежилась. Темный маг говорил с заклинателем? Он заставил его уехать? Что он ему сказал... Что он мог... Почему темный уехал сам?

– Я думаю, ты очень выручила ту звезду, – продолжал Рабас говорить и пускать мурашки по моему телу. – Парни сказали, ты... будто хорошо знала, что делаешь.

Я спешно перебирала варианты отговорок.

– Я была знакома с заклинателем, – сказала я, с удивлением сообразив, что говорю абсолютную правду. – Только они и звезды знают формулу освобождения от договора. Закар учился в Шахерзаде, она ему была известна.

– И он знал последствия... неправильных приказов?

– Знал.

– Ты вмешалась вовремя, – вздохнул Рабас, и я поняла, что пришло время уточнить:

– Что именно он мог ей приказать? Я... просто я увидела ее страх...

– Если бы Джаш отдал приказ, звезда не смогла бы отказаться от выполнения? – прервал меня Рабас.

– Так работает договор, – подтвердила я. – Отказаться можно, если приказывают что-то, выходящее за рамки нормы. Но для этого надо понимать, в чем именно суть приказа.

Рабас закрыл на мгновение глаза.

– Дайрек бы себе не простил. Джаш чуть не оставил ему выбора!

– Что могло случиться? – спросила я, чувствуя, как сердце в груди замерло.

– На небе знают, что такое любовь?

Я открыла рот. Не может быть...

– Я так и думал, – кивнул себе Рабас и отвернулся.

Я потеряла все мысли. Не могу поверить. Джаш знал о том, что перед этим Овен беззащитна. Как он мог так поступать?

– Ха, Дайреку бы ничего не осталось, кроме как самому стать заклинателем для той звезды! – почему-то засмеялся парень. Я не поняла его шутки.

– Он бы не смог, – покачала я головой, хмуря брови. – Заклинателем не может стать любой. Это особая магия, она не соединяется с другими видами. Либо ты рожден со способностью призывать звездных духов, либо ты кто-то другой. Маг или магией не владеешь.

– Так Джаш сейчас в сухом остатке – ноль?

С моих губ почти сорвалось «да», но в последний момент я не решилась это озвучить. Овен была беззащитна перед Джашем, а теперь заклинатель беззащитен без нее? Какая-то замкнутая петля, которая однажды закрутилась благодаря договору.

Пока я думала, Рабас снова заиграл. Мелодия потянулась минорная. Я заметила в отсвете фонарика, как парень закрыл глаза, и над его переносицей образовались морщины.

– Что это? – На мой вопрос Рабас приоткрыл глаз. Я показывала на его руку. Мне почудилось, что под рукавом его куртки что-то рвано мерцает.

– А-а, проснулось. – Рабас оголил руку. Я придвинулась ближе. Локоть вдруг осветился двумя голубыми полосами, будто кровеносными сосудами, и быстро погас. – Думал, мне музыка поможет, но и от нее, оказалось, малый толк. Молчит! Я, для того чтоб разбудить ее, пошел на экспериментальное, а потом просил помощи у Френсиса. Но – видишь?

– Ты учился на экспериментальном? – удивилась я и протянула руку – магия опять прорезалась сквозь кожу.

– Там было обалденно. На других отделениях в Уме есть ограничения, там их нет. Нам только время запретили трога... воу-воу! Что ты сделала?

Я сама не поняла. Я только прикоснулась к холодной коже, как голубое свечение завладело пространством под моими пальцами. А спустя время мы увидели пульс – он мигнул, и из-под моей ладони рассыпались в стороны линии.

Ошарашенный Рабас неаккуратно схватил мою руку, заставив поморщиться. По локтю, под куртку, потек голубой свет, прокладывая путь дорожками вен. Рабас закрыл глаза. А я прислушалась к своим ощущениям: покалывание под ладонью сменилось мягким теплом. Магический свет озарил Рабасу ворот, но на шею так и не перешел.

– Это она. Я почувствовал, – парень отпустил мою руку. – Не могу поверить: чтобы разбудить ее, мне нужно было просто взять за руку девушку! Так Дайрек был прав? – Рабас вдруг расхохотался на всю крышу.

Я непонимающими глазами смотрела на него. Меньше всего мне хотелось узнавать, что кроется за его словами.

Перестав смеяться, Рабас тепло мне улыбнулся.

– Я когда-то загадал это желание звездам, – с гордостью поделился он. Мне захотелось прыснуть.

– В этом все люди. Загадывают желание у падающей звезды, просят о самом сокровенном. А сами хоть задумаются, почему звезда падает? Хоть кто-нибудь когда-нибудь подарил желание ей? Вернул звезду на небо?

Рабас смотрел на меня уже другими глазами.

– Да, – сказал он. – Это сделала ты.

Обратный спуск выходил неожиданно опасным. Почему-то канделябры, до сих пор исправно освещавшие дорогу, горели через раз, а то и два. Боюсь представить, что произошло

в университете, пока я коротала время на крыше, а, зная Ум, произойти могло абсолютно что угодно. Да и ночью я никогда до этого не бродила, случая не было.

Исчезновение Тенебры и Джаша действительно избавляло меня от многих проблем, но, к сожалению, не от всех. Своим бездумным выступлением перед умовским народом я могла подкинуть нежелательную идею в голову Вараколу. Жаль, что я прекрасно понимала, что даже зная, чем это обернется, не поступила бы иначе. Мне оставалось только вести себя тихо...

Другого выхода я не видела. Не попадаться вампиру на глаза, а если звездный конвой все-таки зайвится в Храм... а вот этот вариант я в голове прокручивала, но одновременно очень не хотела об этом думать. Насколько случай освобождения звезды от договора не заклинателем и не духом посчитают рядовым?

Из приоткрытой двери одной комнаты свет странно мерцал, я чуть не пробежала, ускорившись, мимо, но потом увидела, что это всего лишь камин. В помещении никого не было. Единственное яркое пятно выхватывало из темноты диваны, кресла и ковер. Свободная комната отдыха пришлось весьма кстати: я все-таки себе кое-что подморозила на крыше.

Дрова треснули громче, когда я села напротив огня. Веселые языки пламени попытались овладеть моими пальцами. Какое-то время я не выпускала из виду желтую сухую пляску, противоположную моему звездному колдовству... Осмотрелась. Здесь же никого нет, и я могу посушить спину и не только ее?

Я вскрикнула в следующий момент – но слишком тихо, так как не успела ничего сообразить. Обжигающая ладонь накрыла мой рот, а указательный палец другой руки прислонился к темно-желтым губам напротив:

– Чш-ш-ш...

И мелкий сумасшедший смех, почти шепотом, как будто затрещали дрова в камине, но от него по моему телу хоровод заводили горячие мурашки.

– Как ты неожиданно пахнешь!

Существо приблизилось ко мне, почти проткнув острым носом щеку. Я отпрянула, и тогда оно белозубо улыбнулось. Удивительно, у него были человеческие зубы, от цвета которых заплачет любой стоматолог, так как это лишало его работы. И голос у него был – человеческий... Я присмотрелась к камину: существо было привязано к пламени оттуда одним концом, как джинн. И само полностью состояло из огня и пылало. Было само пламя. Юпитер, если *он* то, что я думаю...

– Тебя вычислишь из тысячи, – шепнул огонь обволакивающим мужским голосом и демонически засмеялся. Я отползла на локтях, не сводя с него настороженного взгляда:

– Это ты тушил канделябры. Чтобы я пришла сюда?

Его глаза полыхнули довольным пламенем.

– Что тебе нужно? – выпалила я, уже догадываясь, каким будет ответ и всей душой боясь его услышать. Он прекрасно это почувствовал.

– Что мне нужно? Хи-хи-хи! – Он в мгновение рядом и ухватился пальцами за мой подбородок. – *А если ты?*

Снова захохотал, увидев, что отразилось в моих глазах. Его прикосновения жгли, но не ранили кожу. И на своем лице я ощущала плоть, а отнюдь не огонь. Пальцы с почти человеческой температурой сдавливали мне кость.

– Отстань от меня, – произнесла я, не веря, что он послушает.

Огонь исказился, но в следующую секунду принял вид дьявольского оскала.

– Аха-ха-ха-ха, какие мы нежные овечки! Мне это нравится!

Я скинула его руку с лица, ужаснувшись – в словах явно читался намек на Овна. Значит, я права. Он за мной следил еще тогда.

– О, уже хочешь сбежать? Нет, я тебя так просто не отпущу. – Неожиданно он отделился от камина, и передо мной теперь, припав на одно колено, сидел пылающий человек, а если

точнее, юноша. – Мне ты не сможешь солгать, что ты ничем не отличаешься от других. – Он наклонился к самому моему уху и прошелестел прямо в него горячим огнем: – Дай мне свои волосы.

Из-за странной просьбы я замешкалась, а он взял мою прядь в свою ладонь – мне на секунду показалось, что она сгорит!

– Они такие яркие, я чувствую, – замороженно рассматривал он локон. – Это не простой каштан. Это что-то более насыщенное, я хочу узнать что. Я хочу им обладать. Дай мне свой цвет! – Его глаза загорелись красным, и я испуганно притихла. Огненный парень блеснул остротой зубов, наслаждаясь моим пониманием.

– У тебя нет выбора, – всмотрелся он в мои глаза и выдохнул: – *Дух*.

Я не нарушала молчания, отчего огонь оскалился во всю ширину зубов.

– Как мило, что ты это скрываешь!

– Ты тоже дух, – пожала я плечами как можно невиннее, – и что с того?

Это вызвало у парня еще больший приступ веселья.

– Озерная говорила посмотреть повнимательнее, но я не верил! Только наш «маленький» общий друг убедил меня, что я не потрачу время зря. Искать того, кто выглядит как человек – как забавно! Только ты ошибалась, думая, что это тебя укроет – у тебя другой запах!

Это и чуяли драконы и дух леса, о котором мне так навязчиво напомнил огонь? Неужели духи обладают особым запахом, по которому могут друг друга узнать? Почему тогда я не чувствую ничего, хотя передо мной, вблизи, почти касаясь моего лица острым носом, определенно сидит земной дух?

– Не веришь? – угадал мои мысли огненный. Но, пожалуй, говорить, что он ничем таким не пахнет, не стоило – он знал, что я дух, но был все еще не в курсе, что я с неба. Я понадеялась, что освобождение Овна не дало ему такой подсказки, как вдруг парень продолжил: – Запах того звездного духа лишь чуть отличается от твоего.

Неожиданное открытие, которое в иной раз привело бы меня в печаль, сейчас обернулось спасением. Огонь почти окунулся носом в мои волосы.

– Прекрати это делать! – Я оттолкнула его лицо, и он вновь захихикал. – Вокруг полно людей, дыши ими.

– Люди меня не видят, – вмиг посерьезнел он. Я с холодом в сердце поняла, в чем был мой самый большой промах... – Они такие скучные. Статуи разговаривают с ними, будто от этого есть какая-то польза! Но глупцы нас не видят и слышать не хотят. Тебя бы это не расстраивало? – посмотрел дух на меня, вопреки сказанному, с долей любопытства.

– Эту историю я уж слышала от духа леса.

– Он замечательный рассказчик, – оскалился огненный, заставив мое сердце вновь упасть. Как и от смерча, мне вряд ли стоило дожидаться от огня взаимопонимания, будь я человеком на самом деле.

– Я могу показываться людям, если захочу, – продолжал размышлять дух. – Но здесь студенты не вызывают желания. Другое дело, с тобой... – Он решительно ухватил мою прядь, и его глаза в прямом смысле загорелись: – Дай мне свой цвет. Мне нужен только он. Представь, какими красками я зацветусь, как только получу его! Это же будет красотища!..

Я непонимающе смотрела на него. Каким образом он хочет заполучить цвет моих волос? Дух как будто опомнился:

– Конечно, в обмен я буду отдавать тебе огонь. Вдруг получишь такую силу...

– Мне не нужен огонь! – с ужасом воскликнула я, ясно представив, чем грозит мне внезапное обретение мощной магии. Если студенты и удивятся, то это чувство не останется с ними навсегда, затем последуют вопросы.

Огненный тяжело взглянул на меня.

– Подумай, от чего ты отказываешься. Я предлагаю тебе свою помощь. Долго ли ты протянешь в Уме, не используя свою силу? Какой самонадеянной ты становишься, совсем как человек, когда себя за него выдаешь! – Его лицо, смеясь, пошло волнистыми всполохами, затем резко замерло напротив. – Мне нет дела до того, что ты это скрываешь. Но только знай, лесной дух не просто так тебя пощадил – ты одна из нас. Тебя будут чувствовать – как чую тебя я. И тебя ведь будут искать?.. Я знал это, – улыбнулся он, увидев мою реакцию. – Так что, все еще не хочешь мою помощь? Всего лишь цвет твоих волос! Тебе ведь это ничего не стоит! Твой милый, каштаново-яркий цвет...

Он медленно втянул носом воздух, вбирая в себя лишь ему одному ведомый цветовой аромат.

– Ну, по рукам? Как дух с духом...

Глава 8. Арпику

– Эй, Рабас.

Я резко затормозил, а потом – вспомнил! Хорошо, что Сенковска меня остановил.

– Если б не ты, я б дверь открытой так и оставил, – друг подошел, когда я закончил возиться с замком. – В голове ничего не держится, ха-ха-ха!

– В чем причина? – спросил Сенковска как-то официально. О, он конспекты принес! Вот выручил.

– Спасибо, друг! У меня времени ходить нет к твоему препода, но думаю, его подход к обучению мне не помешает. Уж во всяком случае не повредит! Я же тебе не говорил? – продолжил я, потому что Сенковска лицом был все так же серьезен. – У меня магия пошла по рукам! Пока нестабильно, но дварфы! Кто был больше рад, Френсис или я, угадай? Я опаздываю как раз к нему, пойдем. Он только программу не менял, вот я и решил попробовать другие методы. Может, дело пойдет быстрее!

– Круто, – вставил Сенковска. Но радость-то в голосе где? Я, конечно, меньше стал с ними зависать и пообедать вместе не получается, Люк тоже из-за этого ходит хмурый, он поесть любитель. Но раньше я не замечал, чтобы отношение друзей ко мне поменялось, раз я теперь феникс.

– Тебе Иримах случайно мозг не заморозил? Как-то замедленно думаешь.

– Я уже в курсе твоей новости.

– А-а, – я немного выдохнул. Понял, у Сенковска что-то произошло, вот он и ведет себя так. Я просто под руку попал. – А я думал, первым сообщу!

– Но сообщила Женни.

– Как она узнала? – удивился я. – Я ей вроде не говорил. Как она, кстати? Как остальные?

– Тебя реально интересует?

– В смысле?

– Тебя реально интересует, что с Женни?

Я остановился. Кажется, я не просекал, к чему клонил Сенковска.

– Она моя подруга. Конечно, интересует.

– Почему сам у нее не спросишь?

– Да когда? – чуть было не возмутился я, но охладил пыл. – Я ж говорю, занят все время, у Френсиса. Если не у него, то в библиотеке. Так, стоп, – тронул я Сенковска за плечо, потому что он стал отворачиваться. – В чем дело? Что случилось с Женни?

– Не с ней, Рабас, с тобой. – Взгляд парня мне не понравился. – Это вообще меня не касается, но я согласен теперь с Люком. Знаешь, слепым быть простительно. Но не в случае с Женни.

Я скрестил на груди руки.

– Обвиняешь?

– Да, – ответил Сенковска. – И хочу убедиться. Как ту девку звать, что возле тебя крутится?

Его суженный взгляд. Как у меня, черт его.

– Вероятно, ты о Кроме. Что? Что это за взгляд? И да, друг, ты в выражениях поосторожней...

– А то врежешь? Не представляешь, *друг*, как мне хочется врезать сейчас тебе.

Несколько секунд я смотрел на него. Выдохнул потом. А он скрестил руки.

– Альв по тебе плачет, Сенковска... Кроме мне помогла. И все еще может помочь. Что вы там надумали?! У Женни с головой все в норме?..

– Не смей в таком тоне о ней говорить, – прорычал парень. Впервые от него такое слышал. Будто валиец в гневе, только не шипит. – Плевать, знаешь? Плевал я на твою Крому, но Женни ты обижать не смей. Надеюсь, после нашего разговора ты все-таки подойдешь к ней и извинишься.

– А ты, значит, к Кроме заглянешь? – нахмурился я. – Да, это ж как раз по пути: она тоже у Френсиса практикуется.

– Что и требовалось доказать, – Сенковска отвернулся.

– Доказать что?! – уже вспылал я.

– Что ты сам, выражаясь твоим языком, дварф, Рабас.

Друг ушел, оставив меня в недоумении.

Я посмотрел на конспекты в руке. На кой черт он их тогда притащил... Что, что не так? Мне теперь ни с кем видеться нельзя из-за фантазий Женни? Как будто я давал ей право...

До аудитории Френсиса еще идти прилично. Если не хочу опоздать, надо спешить.

Женни, Женни... Отчего повод задуматься, почему с тобой находится рядом человек, всегда подбрасывается невовремя? Если я хожу на занятия вместе с Кромой, то это сразу значит...

Я остановился. Класс общей магии прямо по коридору. Копну каштановых волос, забранных в хвост, мой глаз выцепил как-то сразу. Крома Гранд пропустила человека в комнату и зашла следом, прикрыв дверь. Я засунул руки в карманы.

Ну, что? Сам-то я себе что отвечу? Наедине?

Я заставил себя вспомнить нашу первую встречу на крыше. Если бы я не оказался там, кто знает, ходила бы Крома сейчас живая и здоровая. Такую бы встречу Женни и Сенковска назвали судьбоносной. Но громкие слова всегда прикрывают то, что на самом деле происходит.

А не происходило... ровным счетом ничего.

Не могу же я ошибаться, а окружающие видеть правильно? Я точно знал, что Крома хорошая девушка. И я знал, что она еще сможет мне помочь.

Я ускорил шаг.

Этого мне было достаточно.

– Давайте еще раз повторим основы. Смотрите сюда. – Френсис вернулся к доске и крутанул ее. Я инстинктивно захотела отодвинуться. На обратной грифельной стороне был изображен контур человека. Внутри него специальными символами были помечены места, отвечающие за активацию магии того или иного рода. Но самый большой символ располагался на месте грудной клетки.

Рабас ненадолго прервал преподавателя: парень зашел в аудиторию и сел с края.

– Итак, прошу еще раз всех понять – не запомнить, мы это проходили с вами уже множество раз, верно? Я хочу, чтобы вы поняли и приняли это. У вашей магии всегда один источник. Неважно, владение ли это огнем, водой, электричеством, любыми боевыми видами или же обыкновенным целительством. Части вашего тела – это резонатор, – Френсис поочередно начал указывать на руку, туловище, ногу, нарисованные на доске.

– Но главный источник вашей силы – это сердце. Даже магия, которую нельзя пропускать через этот орган, дабы вы остались живы, все равно идет от сердца. Ваши желания, ваши чувства – вот что рождает магию. Помните неконтролируемые выплески? Они рождены чувствами. А разум, – Френсис указал на голову, – поможет вам их обуздать.

Студенты закивали. А я вздохнула. Каждый день Френсис (хоть Шоко и уверял, что он отличный преподаватель) говорил о том, что противоречило моим магическим знаниям. Сердце? Ерунда же! Иначе звезды никогда бы не умели творить волшебство. А мы это делали. Магия – это наука. Это математика, строгие формулы, которые потом воспроизводятся в голове автоматически. Хочешь волшебства? Вспомни формулу, рассчитай параметры, запомни

получившуюся цифру и активирую ее словом-заклинанием. Наука – а не какое-то повеление органа, который и сам может от магии пострадать.

– Кроме, вы сегодня опять тренируете огонь? – обратился ко мне Френсис.

– Да, – я выпрямилась. – Мне кажется, я почти поняла, как это работает.

– Замечательно, – Френсис улыбнулся и положил мне на стол несколько исписанных листов. – Это должно вам помочь. Практикуйтесь.

Я дернула губами. Уже около двух недель я ходила сюда, притворяясь, что мне не терпится обучиться огненному волшебству. Дух пока притаился. Из-за этого я нервничала. Когда ему вздумается показать острый нос? Но теперь у меня вроде есть отговорка – если рядом со мной заплещет огонь, все решат, что Френсис молодец и я – умница. И никаких разговоров.

Как хорошо, что инцидент с Джашем тоже восприняли как нечто само собой разумеющееся. Действительно, то ли в Храме еще происходит? И Варакол, недавно вернувшийся в Высшую Школу, тоже ничего не заподозрил. Я ждала какое-то время звездной стражи, но и ее – не было. Кто меня защитил? Уж точно не счастливый случай. Но кто бы это ни был, я его беззвучно благодарила.

Джаш, конечно, не успокоится в своем новом положении – Жертвенник лишил его права заключать договоры с какими-либо духами, фактически исключая из рядов заклинателей – поэтому Джаш определенно подал апелляцию. Но Овен была в безопасности – с ним договор ей больше никогда не грозил.

Только зачем проблемам оставлять меня в покое? Я провела рукой по волосам и зацепилась пальцем за резинку. Теперь старалась всегда забирать их в хвост. Потому что... Потому что, Юпитер!

Я заключила договор с духом. Как это произошло? Чего я так испугалась, что сделала это? Сейчас, по прошествии времени, моя рука тянулась ко лбу, как только я вспоминала о той ночи. С того момента я запомнила самое важное правило – обходить стороной камин, настенные лампы, канделябры и вообще, буду греться солнышком и отношением Лорисы – соседка как раз ко мне подобрела, наверное потому, что в мае сдавала свой последний экзамен, оставляя нас с Трушей одних в комнате (знала же, что Лориса – змея).

Френсис начал лично объяснять что-то очередному студенту, а в центре класса один парень пружинил щеки... Точно магию камня собирался творить. Надо уносить отсюда ноги. Я тихонько встала, захватила конспекты Френсиса с собой и пошла к выходу. У двери меня поймал Рабас:

– Дай мне магию.

Я сдвинула брови.

– Я для тебя теперь, – я кивнула на доску, – резонатор?

– Ну, не упрямясь! – Рабас зашептал: – Дай, и я отстану.

– Не дам, и ты все равно отстанешь, потому что придется.

Я развернулась. Но он схватил меня лапицей. Жутко закололо! Судя по тому, как загорелись глаза Рабаса и рукав рубашки поменял цвет на тон светлее, опять сработало. Я двинула парня по руке, чтобы отпустил. Приветствуй, дольче Гранд, новые синяки на своем теле.

Рабас шепнул «спасибо», и в этот момент стены аудитории зашатало. Я юркнула за дверь. Как только это сделала, внутри комнаты грохнуло. Каменная магия. Пока мне лучше держаться от нее подальше.

Коридор еще не освещали лампы – был день. Я свернула конспекты трубочкой в руке и, взглянув на бумагу, вспомнила про договор. Между двумя духами. Как же мы такое сумели сделать? И ведь это – произошло!

Огненный совсем не выглядел неуверенным, не знающим, как поступить. Будто я не первая, кого он поймал в свою стихийную ловушку. На пылающем пергаменте обязанности сторон умещались в одно предложение. И больше ничего. Не понадобилось расписывать последствия,

меру наказания, условия расторжения. Поэтому я подумала, что это не сработает, и написала на пламени свое имя, отвергнув опасения. Потом сообразила, что имя-то мое было настоящим... Привычка, сохранившаяся у меня со звезд. Дух улыбнулся на это акульей пастью, и я даже не посмотрела, какое имя он ставит рядом со своей подписью.

Слишком все это было странно. Он же говорил, что его не видят люди, значит, договор с ними как таковой его не интересовал. Так почему он заключил его со мной, с духом?

Мои волосы? Что за глупость.

Я сунула конспекты за ремень, когда мимо меня по воздуху пронеслось несколько летающих тарелок из бумаги. Какая безвредная магия. Не успела я так подумать, маленькая металлическая звездочка врезалась в пол в сантиметрах от моей ступни. Просвистела еще парочка блестящих штучек, и одна из них попала в нужную цель: подбитая бумажная тарелка, гремя, прокатилась по полу.

С воплями победителей по коридору неслись ребята с оружейного. Среди них я разглядела Арпику. Он пыхтел, не отставая от остальных, а его топор ярко горел синим пламенем, создавая впечатление, что гном бежит с факелом. Пыл парней подогрела новая порция бумажных тарелок, вылетевшая из прилегающего коридора. Не могу сообразить, с каким же отделением оружейное не поделило.

Так как мы с Арпику были единственными с набора, кто остался обучаться в Уме, я невольно следила за его успехами. И они, надо сказать, были. Помимо того, что он научился переносить магию не только на свой любимый топор, но и на другие виды колюще-режущего, Арпику сильно улучшил свое владение карпским языком и теперь мог даже ругаться на нем без акцента. И сейчас он притормозил на секунду возле меня, громко дыша, крикнул: «А! Ты!» Но так и не придумал, что мне сказать, и побежал дальше.

Я прислонилась к стене с намерением переждать толпу, но не учла, что парни, любящие металл, обычно оставляют без тренировок важную часть тела – голову. Тарелки перестали лететь вперед и, словно ласточки, закружили над студентами с оружейного, сея хаос. Ребята начали размахивать своими смертоносными приспособлениями. Я ужаснулась.

Ударная волна от лезвия секиры взмыла в потолок. Отколотые куски посыпались вниз каменным дождем под визги студенток – что ни драка, всегда найдутся зрители с девчачьими голосами. В стену, у которой я «пряталась», врезались длинные ножи. Я пригнулась вовремя – чей-то клинок срезал мне пару волосков. Падая, они вдруг начали менять каштановый цвет на более светлый...

Вмиг меня окружило пламя, а ближние студенты заорали, что есть мочи. Они держались за обожженные пальцы, бросив оружие, и по полу растекалась, увеличиваясь, стальная лужа. Каменный грохот не стихал, и огненное пламя ринулось на этот звук. Скоро в радиусе пары метров все было объято пляшущими языками магии. Зловещий смех прокатился по коридору. С открытым ртом, я сидела на полу – и не могла не смотреть на обладателя раскатистого мужского тембра.

Голая огненная спина шла всполохами, отливая насыщенным медным оттенком. Моим настоящим цветом волос. Наиболее красным тоном цвет фокусировался в ладонях. Дух щедро поливал окружающее пространство огнем, хохоча, не слыша криков боли и недоумения. Сквозь стену пламени мне почудилось, что он выглядит как обычный парень. Словно почувствовав, что я не отвожу от него взгляда, дух раскинул в стороны руки и запрокинул голову:

– Ах, как же я прекрасен!

Кажется, отказываясь закрыть рот, я безмолвно подтверждала его слова. Не приходило в голову даже предупредить наглого духа – люди могли его увидеть в этом облике, ведь нельзя не заметить беснующийся огонь перед самым твоим носом. Но я просто не могла думать об этом: все мысли смывала красота медного пламени.

Откуда ни возьмись по коридору прокатился порыв сильного ветра, всколыхнув огонь и мои мышиного цвета волосы... Оторвавшись от созерцания спины духа, я поднесла к глазам абсолютно серый локон. И вспомнила. Именно такой я, русой, должна была предстать перед студентами Храма, когда впервые переступала здесь порог. Влада говорила, что сделает все, чтобы я была незаметна. Но, видимо, цвет волос – то единственное, что ей не удалось до конца скрыть. И вместо русой я стала шатенкой. Неудивительно, что не получилось – ведь родилась я на небе.

Но этот огненный дух, который оборачивался сейчас, растягивая улыбку из острых зубов шире, сумел забрать то, что не удалось лунному зелью. Я получила последнее подтверждение. Наш договор не шутка.

Сделав шаг, дух наклонился надо мной, обдав жаром.

– Настолько не желаешь отдавать мне свой цвет?

Я сглотнула, чувствуя, как пот потек тонкой струйкой за ворот сразу по двум причинам. Как он прочитал мои мысли? Огонь качнул медной головой, и пламя занавесило потолок. Спустя секунду я прикрывалась от падающей сверху мелкой горячей крошки, которая тут же обожгла, попав на кожу.

– Не желаешь делиться, поэтому готова умереть? – расплылось оскалом огненное лицо. Наконец я поняла, чего от меня добиваются. Встала, чуть не задев его острый нос своим.

– Когда побегу, исчезнешь? Чтобы никто тебя не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.